

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ
МИХАИЛ МЕЛЬТЮХОВ
ЕЛЕНА ПРУДНИКОВА

1941:

НЕИЗБЕЖНЫЙ РЕВАНШ

СССР

Поле битвы – Россия

Елена Прудникова

1941: неизбежный реванш СССР

«Алгоритм»

2017

УДК 94(47+57)"1941"
ББК 63.3(2)622.11

Прудникова Е. А.

1941: неизбежный реванш СССР / Е. А. Прудникова —
«Алгоритм», 2017 — (Поле битвы – Россия)

ISBN 978-5-906947-78-9

Предыстория и начало Великой Отечественной войны — тема жесткой дискуссии, развернувшейся в постсоветской России. Если Советский Союз осознавал неизбежность войны с Германией, готовился к ней, проводя реорганизацию Красной армии и оборонной промышленности, то как объяснить катастрофу 1941 года? Отделяя факты от мифов, опираясь на скрупулезное исследование рассекреченных документов тех лет, анализируя действия советского руководства во внешней и внутренней политике, рассматривая виртуальные варианты военных операций 1941 года, авторы этой книги разъясняют подлинные причины не только наших поражений на первом этапе войны, но и неизбежного реванша СССР.

УДК 94(47+57)"1941"
ББК 63.3(2)622.11

ISBN 978-5-906947-78-9

© Прудникова Е. А., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Елена Прудникова	6
Предисловие	6
Глава 1. Было ли нападение неожиданным?	8
Глава 2. Было ли нападение внезапным?	17
Глава 3. К вопросу о боевой готовности	25
Глава 4. 18 июня – выход на старт	31
Глава 5. «На провокации не поддаваться!»	37
Глава 6. Загадка директивы	45
Глава 7. «Жертвы режима»	51
Глава 8. Бедный, бедный товарищ Ворошилов!	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Сергей Кремлев
Михаил Мельтюхов
Елена Прудникова
1941: неизбежный реванш СССР**

© Кремлев С., Прудникова Е.А., Мельтюхов М.И., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Елена Прудникова

Забутые победы 1941 года

Бывают, однако, случаи и более интересные: когда связь мифологии с реальностью не «семипроцентная», и даже не нулевая, а отрицательная...

Кирилл Еськов

Предисловие

«Катастрофа июня 1941 года» – событие, на которое намоталось рекордное количество исторических мифов. Пропаганда советская, антисоветская, постсоветская, антипостсоветская, дошедшая до нас спустя полвека геббельсовская и известная в отзвуках западная порождают такую интерференцию, что порой полностью скрывают под собой предмет спора. Да еще и историки (а военные историки почти исключительно мужчины) переклинивают чисто по-мужски: добравшись до возможности подвигать танчики по карте, они теряют интерес ко всему остальному.

Неизменно одно: лето 1941 года всеми рассматривается как нечто неправильное – так не должно было быть.

Нет, если стать на позицию немцев, то все понятно. По логике вещей армия, терпящая такие поражения, как РККА, должна была осознать бессмысленность сопротивления, развалиться и дружно поднять руки вверх. А вышло все наоборот: сперва разваливались и поднимали руки, а потом стали сопротивляться, и чем дальше, тем ожесточеннее. Это – как если бы волчья стая, кинувшись загонять стадо баранов, вдруг обнаружила у тех сперва клыки, потом когти, затем стальные шипы под шерстью, а на закуску еще и умение плевать огнем. Спрашивается, и чего тогда они от волков бегали?

Для немцев это был явно неправильный дебют кампании. Но почему его считают неправильным наши историки? Во всех практически работах проскальзывает: неправильно вышло, должно было быть как-то иначе. Как должно было быть, никто не говорит, но получилось явно неправильно. А правильно-то как? Ну... тут у всех по-разному.

Что представлял собой советский миф? Армия была готова отбросить врага от границы, как теннисный мячик, и завершить войну малой кровью на чужой территории, но ей помешали. (Учитывая, что после Победы военную историю курировали предвоенные генералы, чего еще ожидать?) Кто помешал? Да кто же, как не эти штатские. Выбор «штатских» впечатлял: от Сталина и Ворошилова (которого даже после пятнадцати лет на посту наркома за военного деятеля все равно не признавали) до злобных чекистов и упертых партсекретарей. Да, кстати: у немцев было еще намного больше танков и самолетов. В общем, все виноваты, кроме товарища генерала.

Антисоветский миф: «катастрофа 1941 года» произошла потому, что народ не хотел защищать большевистскую власть. Правда, потом почему-то захотел, и так активно – одни партизаны чего стоят! Наверное, советские люди отчаялись дождаться падения усатого тирана, который обещал семьи всех пленных в Сибирь отправить (а маршал Жуков и вовсе к стенке). Да еще чекистов с пулеметами сзади поставили. А с чего еще вдруг им сражаться? Не просто же так, из советского патриотизма! Какой может быть советский патриотизм? Кто его в Париже видел? Там ведь совершенно точно известно, что весь русский народ сражается исключительно за Веру, Царя и Отечество.

Есть еще вариант доктора Геббельса. В СССР он был не в ходу, и лишь в 90-е годы, когда война уже изрядно подзабылась, а ветераны стали просто смешными экспансивными старичками, ее реанимировал господин Суворов (кстати, он опирался на советский миф о «непобедимой и легендарной»). Сталин, оказывается, сам хотел напасть на Германию, а немецкий фюрер всего лишь нанес упреждающий удар. Так отчаянно защищался, что в порядке защиты аж до самой Москвы дошел и во всех оккупированных областях немецкую администрацию поставил. Правда, не совсем понятно, за каким лешим Сталину Европа – ну так ведь всем известно, что эти русские, всякие там цари Петры, Сталины, Путины, только и мечтают о власти над миром. В общем, у кого что свербит, тот о том и говорит (это я о власти и о западном менталитете, если кто не понял)...

Да, есть еще американский вариант событий (известный, в основном, по отзвукам и фильмам). Война произошла из-за того, что Гитлер решил уничтожить евреев. Восточнее Польши был, правда, какой-то мордобой, но это неинтересно – все равно войну выиграла Соединенные Штаты, попутно угрожав кучу сил и человеческих жизней на спасение рядового Райана. Почему при этом в руках русских оказалась треть Германии во главе с Берлином, совершенно непонятно. Наверное, это прирожденное русское коварство.

Прочие мифы – это причудливое сочетание четырех базовых вариантов, и их же, взятых со знаком «минус». Плюс к тому, поверх всего этого огромное количество здоровых мужиков упоенно гоняют танчики по карте. А бензин для танчиков, наверное, сам собой с неба в лужи падает и в болотах скапливается.

В общем, очень много «бла-бла-бла» и на удивление мало конкретных данных.

Лишь в 90-х годах режиму умолчания вспороли брюхо, и наружу полезло множество фактов и документов. И сразу оказалось, что «в действительности все было совсем не так, как на самом деле». Спасибо Виктору Суворову, пробудившему в народе интерес к войне, а то ведь так и пылились бы бесценные свидетельства, в лучшем случае в монографиях тиражом триста экземпляров.

Нет, на самом деле – спасибо ему и британскому отделу пропаганды, или как он там называется...

Глава 1. Было ли нападение неожиданным?

А как вы сами думаете?

В 1925 году вышла в свет широко известная впоследствии книга «Майн кампф». Возможно, тогда в Кремле и не стали читать программу какого-то мелкого немецкого политического гопника. Но когда в начале 30-х этот гопник стал стремительно набирать влияние – будьте уверены, прочли и проработали. А там, между прочим, черным по белому написаны интереснейшие вещи:

«Мы, национал-социалисты, должны указать на то, что иностранная политика нашего народнического государства прежде всего будет исходить из следующего.

Наше государство прежде всего будет стремиться установить здоровую, естественную, жизненную пропорцию между количеством нашего населения и темпом его роста, с одной стороны, и количеством и качеством наших территорий, с другой. Только так наша иностранная политика может должным образом обеспечить судьбы нашей расы, объединенной в нашем государстве.

Здоровой пропорцией мы можем считать лишь такое соотношение между указанными двумя величинами, которое целиком и полностью обеспечивает пропитание народа продуктами нашей собственной земли. Всякое другое положение вещей, если оно длится даже столетиями или тысячелетиями, является ненормальным и нездоровым. Раньше или позже такое положение принесет величайший вред народу и может даже привести к его полному уничтожению.

Чтобы народ мог обеспечить себе подлинную свободу существования, ему нужна достаточно большая территория.

...

Приняв решение раздобыть новые земли в Европе, мы могли получить их в общем и целом только за счет России. В этом случае мы должны были, препоясавши чресла, двинуться по той же дороге, по которой некогда шли рыцари наших орденов. Немецкий меч должен был бы завоевать землю немецкому плугу и тем обеспечить хлеб насущный немецкой нации...

...

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы... В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой ката-

строфы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловно правильность нашей расовой теории».

Думаете, Гитлер не любил одних лишь большевиков, а к старой России относился иначе? Не обольщайтесь!

«Представим себе только на одну минуту, что наша германская иностранная политика была бы настолько умна, чтобы в 1904 году взять на себя роль Японии. Представьте себе это хоть на миг, и вы поймете, какие благодетельные последствия это могло бы иметь для Германии. Тогда дело не дошло бы до <мировой> войны. Кровь, которая была бы пролита в 1904 году, сберегла бы нам во сто раз кровь, пролитую в 1914–1918 годах. А какую могущественную позицию занимала бы в этом случае ныне Германия!

...

...Неизменный политический завет в области внешней политики можно формулировать для немецкой нации в следующих словах:

– Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе! В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной военной державой, вы должны видеть прямое нападение на Германию. Раз создается такое положение, вы не только имеете право, но вы обязаны бороться против него всеми средствами, вплоть до применения оружия. И вы не имеете права успокоиться, пока вам не удастся помешать возникновению такого государства или же пока вам не удастся его уничтожить, если оно успело уже возникнуть. Позаботьтесь о том, чтобы наш народ завоевал себе новые земли здесь, в Европе, а не видел основы своего существования в колониях. Пока нашему государству не удалось обеспечить каждого своего сына на столетия вперед достаточным количеством земли, вы не должны считать, что положение наше прочно. Никогда не забывайте, что самым священным правом является право владеть достаточным количеством земли, которую мы сами будем обрабатывать. Не забывайте никогда, что самой священной является та кровь, которую мы проливаем в борьбе за землю.

Нам нужна не западная ориентация и не восточная ориентация, нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа».

Появление такого лидера во главе Германии требовало пересмотреть советские военные планы. И их так пересмотрели.

В конце 20-х начале 30-х годов в качестве наиболее вероятного противника СССР рассматривалось то или иное количество лимитрофных (мелких пограничных) государств, во главе которых стояли Польша и Финляндия, а за спиной – Англия и Франция. (Они всячески помогали и Гитлеру на его государственном пути, но у нас речь не об этом.) Не надо смеяться: учитывая общую слабость СССР и слабость армии в частности, враг мог оказаться достаточно грозным. Возможно, даже способным отбить Украину.

После 1933 года появился новый противник – Германия, предположительно выступающая в союзе с Польшей. Под драку с этой «сладкой парочкой» и составлялись у нас оперативные планы.

Кстати, любителям проливать слезы по поводу «бедных жертв Сталина» Польши и Финляндии неплохо бы напомнить, что оба эти государства были настроены к СССР резко агрессивно. Финны дважды за время Гражданской войны пытались захватить Карелию, взяли Печенгу, а если бы получилось, то не отказались бы и от Кольского полуострова, и от Ленинградской области – в общем, сколько проглотится. Поляки неоднократно пытались занять Украину и Белоруссию. После неудачной для нас польско-советской войны 1920 года (инициатором которой была исключительно Варшава) они получили западные территории

этих республик, но претендовали и на Киев, и на Смоленск. Нам просто повезло, что в 1935 году умер Пилсудский, единственный вменяемый польский лидер – в начинающейся европейской заварушке он неявно, но весьма эффективно помогал Гитлеру и, девять из десяти, присоединился бы к Германии в «походе на восток».

Нам еще раз повезло, что Гитлер не сумел договориться с новым польским правительством. Он ведь пытался это сделать, причем очень активно – и, в принципе, мог, несмотря на откровенную невменяемость новой польской власти. В то время политикой Варшавы рулил маршал Рыдз-Смиглы. Это таки была фигура! Профессиональный военный, 25 лет в строю, националист, консерватор, клерикал – все сразу. Армейская прямолинейность, помноженная на национализм и профессиональный гонор – худшую кандидатуру национального лидера в такое сложное время трудно себе представить. Кажется, он на самом деле чувствовал себя вождем империи...

Когда в сентябре 1938 года европейские державы делили Чехословакию, поляки тоже отхватили свой кусочек – под шумок они приобрели промышленно развитую Тешинскую область. После этого Гитлер сделал им еще более перспективное предложение: присоединиться к антикоминтерновскому пакту, то есть стать союзником Германии в грядущей войне. В будущем, после победы Германии над СССР, это обещало огромные выгоды: Литву, Белоруссию, возможно, Смоленск, возможно, часть Украины. Гитлер союзников не обижал – да ведь, кстати, он уже поделился Чехословакией!

Правда, за вход в пакт надо было заплатить. Входную плату Гитлер выставил по минимуму: он всего-навсего хотел получить находившийся под польским управлением населенный немцами Данциг и построить экстерриториальную шоссейную и железную дороги в Восточную Пруссию. Требования – умереннее некуда. Как вы думаете, что сделали поляки? Отказали. Нет, против похода на СССР они никогда не возражали – но не желали ничем поступаться.

Почему, кстати, отказали? Вопрос интересный. Конечно, польский гонор вошел во все анекдоты, однако одной ссылкой на польские понты тут не обойдешься. Ведь членство в антикоминтерновском пакте сулило полякам огромные выгоды плюс победу над самым главным врагом – Россией. Неужели знаменитый польский гонор не позволял ради этого поступиться таким мизером, как Данциг и полоса земли в несколько десятков метров шириной?

А давайте-ка посмотрим, может быть, кому-то был выгоден отказ и последовавшая за ним война?

Ну, в первую очередь он, конечно, был выгоден Советскому Союзу – однако у нас не было никаких рычагов влияния на польское правительство. Однако у поляков имелся союзник, отношения с которым напоминали отношения Российской империи с Антантой перед Первой мировой войной. Старый союзник – поляки еще на Москву в 1812 году ходили в составе наполеоновского войска. И теперь, едва в 1918-м появилось на свет польское государство, как оно тут же обрело друга в лице Франции. По крайней мере, военное снаряжение и военных советников французы полякам поставляли.

Так вот: Парижу союз Варшавы и Берлина был ни с одной стороны не выгоден. Франция и Германия являлись врагами старыми, многовековыми. Войдя в военно-политический блок Гитлера, Польша автоматически подписывалась на все его авантюры. Если она даже и не будет участвовать во франко-германской войне, которая непременно произойдет (кошка с собакой все равно сцепятся) то ведь и в спину немцам не ударит. С другой стороны, если немецкий фюрер начнет войну с Польшей, он хоть немного, да ослабит свою армию, а уж коли совсем повезет, и в эту заварушку влезет СССР... Чуете перспективы? Да и британцам с их системой «сдержек и противовесов» на европейском континенте тоже невыгодно было такое ослабление Франции.

Вы спросите: а как же Польша? Судьбы союзников лукавых европейцев не волновали никогда. В 1914 году англичане и французы, накопив в Российской империи неплохие группы влияния, втравили нашу страну в абсолютно не нужную ей войну. Кого-нибудь, вы думаете, волновала судьба России? Так и судьба Польши в 1939-м французов волновала ровно в той степени, в какой ее можно было использовать к собственной выгоде. А вы как думаете? Ничего личного, только политика.

Поэтому, едва в польско-германских отношениях наметилась трещинка, как французы, так и англичане обещали поддержать поляков в случае нападения Гитлера. Так что расчеты Рыдз-Смиглы понять несложно: Польша не принимает условия фюрера, а тому деваться некуда, граница с СССР ему нужна. Согласится без всяких условий – отлично! Стало быть, польский маршал сумел поставить наглых тевтонов на место. Если же не согласится, если Германия начнет войну с Польшей, то Франция и Англия, выполняя обязательства, ввяжутся в конфликт, оттянут на себя основные силы германской армии и победят (французская армия считалась сильнейшей в Европе). Германию поставят на место и еще раз на протяжении XX века ограбят, полякам тоже что-нибудь достанется – победа-то общая. В общем, расчет-то правильный, за одним исключением: заключая такие союзы, следует оговаривать конкретные размеры помощи и сроки ее предоставления.

Итак, немецкий фюрер оказался перед выбором. Договариваться с поляками на их условиях? В таком случае ни Данцига, ни дороги ему уже не видать – если не отдали перед войной, то после нее тем более не отдадут. Боеспособность польской армии была близка к нулю, зато амбиции польского правительства стремились к бесконечности. Единственным стратегическим смыслом этого договора был выход на советскую границу. Но ведь существовал и другой способ на нее выйти...

Тем временем конфликт развивался. В марте 1939 года немцы еще думали, что им дальше делать, а польская пресса уже начала антигерманскую кампанию, правительство приняло решение о частичной мобилизации. 26 марта Польша ответила окончательным отказом на германские предложения, а 28-го заявила, что любое изменение положения Данцига будет рассматривать как нападение.

Стремясь не допустить того, чтобы Польша, обеспечивавшая безопасность западно-европейских стран, стала германским сателлитом, Англия совершила роковую для себя ошибку. Она решилась в одностороннем порядке гарантировать ее независимость, чем еще больше укрепила в намерениях оную независимость продемонстрировать. Буквально только что, в середине марта, Гитлер захватил остаток Чехии, наплевав на все гарантии европейских держав. Англия и Франция... да, они протестовали. Правда, их протесты не произвели ни малейшего впечатления на фюрера – но ведь протестовали же! Но даже пример Чехии не образумил Рыдз-Смиглы – он поверил английским гарантиям. 13 апреля и Франция подтвердила франко-польский договор 1921 года. Это был уже совершенно самоубийственный шаг – зачем?

В общем, Польша нарывалась, нарывалась – и нарвалась. Война началась 1 сентября 1939 года. И оказалось, что не все расчеты воплощаются в жизнь.

Нет, 3 сентября Франция и Англия объявили Германии войну – но выглядела она в высшей степени странно (впрочем, полноценно участвовать в большой континентальной войне могла только Франция).

Французы начали мобилизацию уже 23 августа, к концу сентября сосредоточив против Германии 70 пехотных, 7 мотопехотных, 2 механизированные и 3 конно-механизированные дивизии, усиленные 50 танковыми и 20 разведывательными батальонами. А толку? На линии франко-германской границы французским войскам было запрещено заряжать оружие боевыми снарядами и патронами – куда там Сталину с его «на провокации не поддаваться»!

У Саарбрюккена¹ висели плакаты: «Мы не сделаем первого выстрела в этой войне». Ну, а немцам зачем было делать первый выстрел? Абсолютно незачем!

Так что войска «воюющих» сторон успешно ходили друг к другу в гости, выпивали, обменивались сигаретами. Польские дипломаты уговаривали, настаивали, от них отделялись обещаниями, что боевые действия вот-вот начнутся, но в действительности французы не делали вообще ничего, а британцы – почти ничего.

О том, насколько реальны были обещания, поляки узнали уже после начала войны. Выяснилось, что Франция может оказать помощь Польше в 1940 году, а начать военные действия не раньше 1941-го. Французский главнокомандующий генерал Гамелен попросту не пожелал принять польского военного атташе. В Британии получилось еще занятней. 9 сентября польская военная миссия встретила с начальником английского Генштаба генералом В. Айронсайдом и с удивлением узнала, что у Англии нет никаких конкретных планов помощи Польше, поскольку этим должна была заниматься Франция².

К тому же времени относится и легендарная фраза, принадлежавшая британскому министру авиации Вуду. В ответ на предложение нанести удар по Шварцвальду, чтобы создать у немцев трудности с лесом, он услышал: «Что вы, это невозможно. Это же частная собственность. Вы еще попросите меня бомбить Рур!».

Правда, европейцев можно понять. Несмотря на все патриотические фразы Рыдз-Смиглы, польская армия продержалась... неделю. 5 сентября немецкие войска прорвали фронт, 7-го Рыдз-Смиглы покинул Варшаву, а поскольку связь рухнула практически сразу, этот день можно считать концом организованной польской армии. Дальше уже шла зачистка. 17 сентября правительство покинуло страну. Так что вполне понятно нежелание французов и британцев ввязываться в защиту уже несуществующего государства.

Вот и вопрос: а зачем им вообще понадобилось объявлять эту войну, если они не собирались воевать? Есть разные версии ответа. Самая несерьезная – выполнение ранее данных обещаний. Великие державы уже давали гарантии Чехословакии после Мюнхенского соглашения – много это помогло весной 1939-го? Да и обещания, данные полякам, они ведь тоже не выполнили...

Гитлер заявил, что, англичане и французы объявили войну, чтобы «сохранить лицо», добавив при этом загадочную фразу: «К тому же это еще не значит, что они будут воевать». Он что-то знал? Что же касается «лица» – к тому времени оно было давно и безнадежно потеряно (да и франко-германские военные действия, прозванные «странной войной», не способствовали обретению «лица»). Сохранять его – это примерно как заботиться о девственности после года работы в борделе.

Версия борьбы за влияние в Европе тоже не очень-то прокатывает. С одной стороны, Гитлер был последовательным англоманом. Начиная с «Майн кампф», он не переставал объясняться в любви к Англии, считал ее естественной союзницей Германии в Европе. С другой, великие державы изначально не имели ничего против того, чтобы Германия расширяла свое влияние на восток. Еще в 1923 году состоялась показательная беседа между польским представителем на переговорах в Генуе и тогдашним британским министром финансов Чемберленом. Первый пытался убедить британца, что сильная Польша отвечает интересам Англии. В ответ он услышал, что ничего подобного: сильная Польша будет мешать экспансии Германии на восток, в которой и заинтересована Англия. В 1937 году тот же Чемберлен стал премьер-министром. Гитлер, в полном соответствии с озвученными британцем планами, собирается двинуться на восток – зачем воевать-то?

¹ Город на западе Германии, столица земли Саар.

² Мельтюхов М. Советско-польские войны. М., 2004. С. 378–380.

Каков ответ? Нет ответа – но есть гипотеза. Давайте отрешимся от нашего послезнания и подумаем: а какие могли быть планы у европейских держав в первой половине 1939 года? Ну, скормят они Польшу Германии – а что потом?

Дальнейшие планы могли быть только в русле основных: стравить Германию и СССР и добить ослабевшего победителя. Которым, девять из десяти, окажется Гитлер. Но просто, без всяких причин, без политического кризиса, ударить в спину было бы некрасиво. Желательно, чтобы это произошло естественным образом, лучше всего – защищая маленькое и слабое государство. Например, так: Гитлер нападает на такое государство, великие державы объявляют ему войну. А находясь в состоянии войны, они могут спокойно, без объяснения причин, ударить в любой момент, когда это будет удобно.

Но и это лишь половина ответа. При таком раскладе нельзя было не учитывать, что Гитлер разгадает замысел и воспользуется им сам – как оно в итоге и произошло. Почему в Париже не подумали о том, что Гитлер, разобравшись с поляками, может повернуть не на восток, а на запад? Этого требовало жестоко ущемленное после Первой мировой войны национальное самолюбие, да и неплохо бы обезопасить старого врага перед тем, как воевать с новым. Тем более, если этот старый враг может в любой момент, не изыскивая причин, ударить в спину.

Такое впечатление, что в европейских умах царила стойкая уверенность: после Польши Гитлер станет воевать с Советским Союзом.

А вы знаете, очень даже может быть! В середине 30-х годов в Советском Союзе произошел поворот. Он наблюдался во многих областях жизни, в том числе и во внешней политике. В сентябре 1934 года СССР вступил в Лигу Наций и с тех пор принимал самое активное участие в европейской политике. Его не пускали – а он принимал. Пытался сколачивать системы коллективной безопасности против Германии – они разваливались, а он снова пытался. Готов был даже послать войска на помощь Чехословакии – да вот только Польша не пропустила – какая жалость! (Интересно, Сталин хотя бы на секунду *реально* предполагал, что государства «санитарного кордона» пропустят Красную армию в сердце Европы?) В общем, к 1939 году Советский Союз имел стойкую репутацию противника Германии, суетливо пытающегося сколотить антигерманский блок, предлагающего всем противникам Гитлера военную помощь. Правда, эти предложения всегда натывались на железный отказ Польши пропустить через свою территорию Красную армию. Польше, кстати, тоже предлагали помощь, которую паны высокомерно отвергали.

А теперь давайте представим себе простой и красивый политический ход. Начинается польско-германская война. Советское правительство привычно, с полной уверенностью в отказе гордых панов, предлагает им военную помощь. А паны... соглашаются! И советско-германская война начинается сама собой. Как в 1914 году, когда Россия ввязалась в войну, защищая маленькую и слабую Сербию.

А чем не версия? Всяко не хуже прочих. При одном условии: если мы сумеем забыть о пакте Молотова-Риббентропа. Напрочь забыть, не знать – так, как не знали о нем те, кто строил военные и политические планы весной 1939 года.

Впрочем, даже если такие расчеты и существовали, они наткнулись на одно препятствие. У него есть имя, отчество и фамилия, которые мы все очень хорошо знаем.

Итак, события в Европе складывались наилучшим для СССР образом. Два главных врага нашей страны, Германия и Польша, вместо того, чтобы, объединившись, напасть на нас, явно собирались вцепиться друг другу в глотки. И тут Сталин резко меняет внешнюю политику. Куда только делся суетливый устроитель европейских судеб? Советский лидер начинает действовать быстро, жестко, в интересах только своей страны и весьма коварно.

В мае 1939 года в Советском Союзе произошло малозаметное внутреннее событие. Сталин отправил в отставку наркома иностранных дел Литвинова и провел чистку в его нар-

комате. Интереснейший был человек товарищ Литвинов! Старый большевик, он еще в 1905 году участвовал в контрабанде оружия в Россию, потом десять лет жил в Лондоне и в дальнейшем регулярно использовался советским правительством, когда требовалось прояснить отношения с англичанами. Его не арестовывали, не судили – просто отправили в отставку, более того, в дальнейшем использовали на дипломатической работе. Но сам факт того, что в мае 1939 года из наркоминдела устранили столь тесно связанного с Лондоном человека и вычистили его сторонников, интересен, не так ли? Почему именно в мае, и как связано это кадровое перемещение с тем, что произошло потом?

Мог ли это быть, например, такой ход: до какого-то времени британцам черед НКВД стравливали сведения о намерениях советского правительства, а потом этот канал перекрыли, чтобы в нужный момент резко поменять политику и нанести неожиданный удар? Товарища Литвинова при этом могли использовать «втемную»... (Впрочем, судя по тому, что этот хитроумный сын еврейского торговца с началом войны отправился полпредом в США, доверяли ему абсолютно.)

Мог ли советский вождь проверить такую комбинацию? Да легко! В рамках того, что мы сегодня знаем о Сталине – очень даже возможно. Вот только в 1939 году того, что мы знаем сегодня, в Европе еще никто не знал.

И удар был нанесен. Всю весну велись вялые переговоры о гарантиях восточноевропейским странам в случае германской агрессии, о помощи Англии и Франции, если они втянутся в войну с Германией. Наши настаивали на трехстороннем соглашении с равными обязанностями сторон, европейцы, естественно, хотели получить советскую помощь, но нам ее не оказывать. В том, что в случае нападения нужно помочь Польше, сходились все, однако сами поляки отказывались от любой помощи восточного соседа. Эти переговоры продолжались и летом, хотя и достаточно вяло и явно без надежды на успех. Даже летом 1939 года, перед самым началом войны, в Москве сидела англо-французская делегация, по-прежнему пережевывавшая проблемы коллективной безопасности в Европе.

Но параллельно, сразу после отставки Литвинова, началось зондирование почвы на предмет улучшения советско-германских отношений, завершившееся подписанием 23 августа знаменитого пакта о ненападении (он же «пакт Молотова – Риббентропа»). Вот это была политическая бомба! Сей документ до сих пор является одним из самых ненавистных «мировому сообществу» политических шагов, вплоть до того, что на его основе одно время пытались объявить Сталина и Гитлера равно виновными в развязывании Второй мировой войны. Еще бы: какой-то грузин, дикий человек, так переиграл ушлых европейских политиков. Обидно, да? До сих пор обидно!

В России европейские «обидки» воплотились в странную точку зрения: мол, нельзя было договариваться с Гитлером. Почему нельзя? А потому, что он Гитлер! Именно так.

Ну, о том, кто такой Гитлер, никто лучше нас судить не может. Тем не менее в речи 3 июля 1941 года Сталин по этому поводу сказал:

«Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп».

И что можно возразить против такого подхода? При этом советское правительство сумело повернуть дело так, что основные выгоды от пакта получил Советский Союз. Не верите? Давайте посчитаем.

Что получил Гитлер? Безопасность на время разборок с Польшей и Францией от чисто виртуальной советской угрозы – ибо больше всего на свете Сталин не хотел влезать в европейскую войну. Еще СССР поставил Гитлеру некоторое количество продовольствия и стратегического сырья (не за так, за деньги). И это все.

А что принес пакт Советскому Союзу? Во-первых, драгоценную возможность не влезать в европейскую войну – почти два года отсрочки. Во-вторых, СССР, бескровно и не напрягаясь, вернул аннексированные поляками в 1921 году украинские и белорусские земли, прихваченную румынами Бессарабию. В-третьих, получил в свою сферу влияния прибалтийские государства и Финляндию – немцы обязались не вмешиваться, что бы наши там ни творили. Даже пресловутые поставки, и те уравнивались взаимным обязательством поставлять нам любые, по нашему выбору, военные технологии. Единственным ущербом стало свертывание антифашистской риторики – но, в конце концов, с этим можно примириться.

Ну, и кто тут кого обошел?

Естественно, дружить с Гитлером Сталин и не думал. 7 сентября 1939 года, на встрече с руководством Коминтерна, он с подкупающим цинизмом заявил: *«Война идет между двумя группами капиталистических стран... за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались...»*

А ведь так оно и вышло! Больше всего о европейской безопасности волновался Советский Союз, однако получилось так, что войну Гитлеру объявили Англия и Франция. Лукавые европейцы попались в собственный капкан. Гитлер, пользуясь состоянием войны, напал на Францию и чувствительно побомбил Британию. А СССР остался в стороне. Если бы французская армия оказалась получше, мы могли получить отсрочку и на три, а может быть, и на четыре года. Но и два – тоже неплохо.

А если кто считает, что СССР должен был, согласно традициям Российской империи, жертвовать собой, устраивая европейские дела – пусть сначала объяснит, зачем это было надо.

...И Советский Союз полным ходом начал готовиться к будущей войне с Германией, по поводу которой по-прежнему никто не обольщался.

Практически сразу наше правительство занялось финской проблемой. Напоминаем: Финляндия являлась резко агрессивно настроенным по отношению к СССР государством, с серьезными территориальными претензиями. Ясно, что в будущей войне она не выступит на нашей стороне. А граница с ней, между прочим, проходила в 30 километрах от Ленинграда. Для пехоты – один день пути.

Самое время было вспомнить, что Выборгскую губернию русский царь передал Финляндскому княжеству в 1811 году (мог бы и не передавать, кстати), потребовать вернуть подарок и отодвинуть границу. Финнам предложили взамен несколько большую территорию в Карелии. Когда они не захотели меняться – вопрос решили силой. За эту войну СССР был исключен из Лиги Наций – впрочем, толку с той Лиги было, как с козла молока, она уже давно ничего не решала и ничего не значила.

Затем последовал аншлюс Прибалтики... Все-таки недооцениваем мы товарища Сталина! Посмотрите, как грамотно применял он европейские прецеденты. Западную Украину и Белоруссию присоединили к СССР точно по тому же механизму, что и чешские Судеты к Германии. Заключив мюнхенский сговор, европейские державы должны были проглотить и это тоже. Более того: Гитлер отрывал территорию от живого государства, а советские войска вступили на территорию Польши на следующий день после того, как польское правительство бежало за границу.

Прибалтику СССР присоединял так же, как Германия – Австрию. С той разницей, что аншлюс Австрии проводился по национальному признаку, а Прибалтики – по классовому. Но ведь Советский Союз – родина всех трудящихся. Какие могут быть вопросы? Вопросов и не было, тем более, что во всех случаях имело место волеизъявление народа, сиречь референдум. Впрочем, эти территории – как колобок: кто-нибудь непременно съел бы. Если бы Прибалтика осталась независимой и немцы по ее территории, как по рельсам, в неделю дошли бы до Ленинграда, нашим мало помогло бы осознание своей высокой порядочности: надо же, могли съесть колобок – и не съели. Что же касается сетований соседей-прибалтов на «советскую оккупацию» – то они означают лишь то, что им не удалось получить всех выгод этой войны. Они могли бы вместе с Гитлером грабить СССР, а потом, если фюреру не повезет, их бы «освободили», оставив награбленное в качестве компенсации за «германскую оккупацию». Но – не сложилось. Бывает...

У Гитлера же после Польши выбора не было: теперь он мог идти только на запад. Если обернуться к востоку, то Франция непременно в самый неподходящий момент вцепится в зад. СССР же связан пактом, да и невыгодно ему первым начинать войну. Ему выгодно ждать и готовиться.

«Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии».

Глава 2. Было ли нападение внезапным?

Легенду о внезапном нападении запустили в обращение еще в хрущевские времена, и она оказалась на удивление живучей: опровергнутая раз пятьдесят, все равно поднимает голову. Мол, Сталин поверил Гитлеру и, соответственно, не верил предупреждениям о надвигающейся войне, поэтому запрещал приводить войска в боевую готовность и т. д. Правда, нет ни одного конкретного факта, о доверии свидетельствующего, – но считается, что верил. Как же: сам маршал Жуков это сказал, а Хрущев подтвердил.

А как на самом деле?

В августе 1940 года начальник Генерального штаба РККА маршал Шапошников представил на рассмотрение правительства «Соображения об основах стратегического развертывания вооруженных сил СССР». В первом же разделе этого документа говорится:

«Сложившаяся политическая обстановка в Европе создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах. Это вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ.

На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу. Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами – с целью реванша – Финляндию и Румынию, а возможно, и Венгрию... При вероятном вооруженном нейтралитете со стороны Ирана и Афганистана возможно открытое выступление против СССР Турции, инспирированное немцами.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Финляндией и Румынией, а возможно и Турцией, и на Востоке – против Японии как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение»³.

Исходя из этих соображений, и разрабатывались оперативные планы Красной армии, в том числе и планы прикрытия границ. Все они были санкционированы Сталиным, «не верившим» в немецкое нападение, и, лучше или хуже, но претворялись в жизнь.

Постоянный мониторинг действий Гитлера вела советская разведка. Правда, считается, что Сталин ей не верил – как не поверил он Рихарду Зорге, сообщившему, что война начнется 22 июня. Однако грубая реальность, как водится, подгадила: на самом деле знаменитой телеграммы Зорге попросту не существовало, ее придумали журналисты в 60-е годы. (Это такая публика – еще и не то могут придумать). Более того, такой телеграммы даже и быть не могло. Гитлер имел манеру постоянно переносить дату нападения – перед французской кампанией он делал это 26 раз на протяжении полугода! Он подписал приказ о нападении (который вполне еще мог быть отменен) 10 июня, а войска стали выдвигаться на исходные рубежи 18-го. Вот и считайте: информация должна была дойти до Японии, попасть к Зорге, быть передана по радию на Дальний Восток, доставлена в Москву... Как у нас там со сроками?

Но было много других сообщений. О намерениях Гитлера наши разведчики информировали постоянно и недвусмысленно.

Еще в ноябре 1940 г. ГУГБ НКВД докладывало: «В период операций во Франции германское командование держало в Восточной Пруссии и бывшей Польше до 27 пехотных

³ Об основах стратегического развертывания вооруженных сил СССР // URL: http://bdsa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1489

дивизий и 6 кавалерийских полков. После капитуляции Франции⁴ германское командование приступило в начале июля 1940 г. к массовым переброскам своих войск с запада на восток и юго-восток, в результате чего в Восточной Пруссии и бывшей Польше сосредоточено: на 16 июля – до 40 пехотных дивизий и свыше 2 танковых дивизий; на 23 июля – до 50 пехотных дивизий и свыше 4 танковых дивизий; на 8 августа – до 54 пехотных дивизий и до 6 танковых дивизий.

Во второй половине августа и в течение сентября продолжалась переброска германских войск из Франции на восток. На 1 октября в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши сосредоточено 70 пехотных дивизий, 5 моторизованных дивизий, 7–8 танковых дивизий и 19 кавалерийских полков, что в сравнении с предыдущим месяцем дает увеличение на 8 пехотных дивизий, 2 моторизованные дивизии...

Таким образом, против СССР сосредоточено в общем итоге свыше 85 дивизий, то есть более одной трети сухопутных сил германской армии.

Характерно, что основная масса пехотных соединений (до 60 дивизий) и все танковые и моторизованные дивизии расположены в приграничной с СССР полосе в плотной группировке...»⁵.

На самом деле в то время у нашей границы было куда меньше германских войск. Но это вопросы количественные, а факт-то каков? Немцы действительно перебрасывали свои войска с запада на восток, и разведчики об этом исправно информировали. Если фюрер не собирался воевать, зачем гонять солдат по Европе? Или у него много лишних денег на эти экскурсии?

Следующие полгода сосредоточение продолжалось, да и в Германии обстановка была соответствующая: немцев психологически готовили к войне. А уж там-то наших разведчиков хватало. Вот рядовое сообщение, исходящее от одного из многочисленных агентов ИНО НКВД в Берлине в октябре 1940 года:

«Наш агент... работающий в германском министерстве хозяйства... в разговоре с офицером штаба Верховного командования узнал, что в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза... Целью войны является отторжение от Советского Союза части европейской территории СССР от Ленинграда до Черного моря и создание на этой территории государства, целиком зависимого от Германии. На остальной части Советского Союза, согласно этих планов, должно быть создано „дружественное Германии правительство“»⁶.

Еще одно сообщение берлинской резидентуры, датирующееся декабрем 1940 года:

«Основной вопрос, который заслуживает внимания, – это выступление Гитлера 18.XII в Спортпаласе, по поводу выпуска 5000 германских офицеров. Как доносит агент „Лесовод“, Гитлер сделал выпад „против несправедливости, существующей на свете, когда 60 млн великороссов владеют 1/6 частью земного шара, а около 90 млн немцев туются на куске земли“. Гитлер призывал молодых офицеров к устранению этой несправедливости»⁷.

...Множество информации поставляли из Берлина знаменитые агенты «Корсиканец» и «Старшина», подробно освещавшие подготовку к войне. Так, в одном из мартовских сообщений говорится:

⁴ Франция капитулировала 22 июня 1940 г. Совпадение?

⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1 Накануне. Книга первая. – М., 1995. С. 278–279.

⁶ Соцков Л. Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации. 1939–1941. – М., 2011. С. 226.

⁷ Там же. С. 239.

«...Операции германской авиации по аэрофотосъемкам советской территории проводятся полным ходом. Немецкие самолеты совершают полеты на советскую сторону с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге и Киркинесе (северная Норвегия) и производят фотографирование с высоты 6000 метров. В частности, немцами заснят Кронштадт. Съемка дала хорошие результаты»⁸.

Данные шли не только из Берлина. Из Варшавы сообщали: немецкие солдаты и офицеры открыто говорят о близкой войне, через город сплошным потоком на восток идут немецкие войска. Из Финляндии: немцы обещают финнам в обмен на сотрудничество Карелию и Кольский полуостров. В Румынии возле границы строятся большие аэродромы, офицерам румынской армии выдали карты районов СССР. В Шанхае прибывший из Берлина высокий чиновник рассказывал тамошним немцам: в Германии общественные, военно-морские и высшие гражданские круги считают, что война с Советским Союзом будет триумфальным маршем и продлится три месяца. И т. д., и т. п. ...

Это лишь сообщения закордонных нелегалов, крохотной части разведывательного сообщества. Но ведь у разведки много уровней. Свою разведывательную деятельность вели республиканские НКВД, УВД приграничных районов, погранотряды, военные округа. Информация в Москву шла не сводками – километрами – и порой содержала очень интересные факты. Вот выдержки из докладов НКВД последнего предвоенного месяца:

НКВД УССР. 2 июня 1941 г.

«На территории Германии отмечается продвижение к пограничной полосе мелких групп пехоты, кавалерии, грузовых и легковых автомашин, а также гужтранспорта. Офицерским составом производится усиленное наблюдение за нашей территорией...

Восточнее Янув-Подляски в лесу подготовлены понтоны для форсирования реки Буг, там же в районе конезавода подготовлено 20 деревянных мостов в целях замены существующих в случае разрушения. В г. Грубешов дислоцированы 2 мотострелковых полка.

По данным опроса нарушителей границы... военнослужащие немецких подразделений среди населения заявляют: „СССР порвал мирный договор с Германией и вступил в тройственный союз с Англией и Америкой, намерен объявить войну Германии“. Военнослужащие высказывают уверенность в победе Германии над СССР и захвате Советской Украины»⁹.

На календаре 2 июня. Приказ о начале кампании будет подписан Гитлером лишь через 8 дней, а немецким солдатам внушают, что СССР уже порвал мирный договор. Солдата в бой просто так не кинешь, он не робот, нужна психологическая подготовка. Тут германцы оказались уязвимы.

НКВД Молдавии. 2 июня 1941 г.

«По агентурным данным пограничных войск НКВД Молдавской ССР, командующий 5-м военным округом Румынии 15 мая сего года получил приказ генерала Антонеску о немедленном разминировании всех мостов, дорог и участков вблизи границы СССР, заминированных в 1940–1941 гг. В настоящее время почти все мосты разминированы и приступлено к разминированию участков, прилегающих к р. Прут.

⁸ Соцков Л. Агрессия. С. 269.

⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1 Накануне. Книга вторая. С. 199.

Среди узкого круга офицеров румынской погранохраны имеются высказывания о том, что якобы румынское командование и немецкое командование 8 июня сего года намереваются начать военные действия против Союза ССР, для чего производится подтягивание к линии границы крупных частей немецкой и румынской армий...

...Министерство внутренних дел Румынии предписало всем органам власти на местах подготовить учреждения к эвакуации их в тыл Румынии»¹⁰.

...НКВД СССР. 2 июня 1941 г.

«...Пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР добыты следующие сведения о военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР...

В районах Томашова и Лежайска сосредотачиваются две армейские группы. В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии в м. Улянув (85 км юго-западнее Люблина) и штаб армии в фольварке Усьмеж (45 км юго-западнее Владимира-Волынского), командующим которой является генерал Рейхенау (требуется уточнения)...

...17 мая в Тересполь прибыла группа летчиков, а на аэродром в Восхиенице (вблизи Тересполья) было доставлено сто бомбардировщиков.

...Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы... Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено на направлениях на Брест и Львов...

...Отпуска военным служащим из частей германской армии запрещены.

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР...»¹¹.

Так выглядят настоящие разведывательные донесения – в виде микроскопических фактиков, которые суммируются, проверяются и перепроверяются, а не в виде телеграмм, типа: «Война начнется 22 июня!» Такие телеграммы – кино, причем не высшего разбора.

НКВД УССР. 6 июня 1941 г.

«По данным наблюдения 91-го Рава-Русского погранотряда, в пограничной полосе отмечается появление крупных танковых соединений немецкой армии...

...На границу прибыл офицерский состав, предположительно артиллеристы...

...По оперативным данным 97-го Черновицкого погранотряда, на территории Румынии немцы ведут усиленную подготовку к войне с СССР.

В районы Кымпулунг, Ватра-Дорней, Кирли-Баба, Яссы, Ботошаны и Дорохой ежедневно из Германии через Венгрию прибывает 200 вагонов с боеприпасами, военным имуществом, снаряжением, продуктами и фуражом.

Все запасы концентрируются вдоль линии железной дороги между горами, под навесами временных складов, которых от Ватра-Дорней до Дорнешти насчитывается несколько сот.

У опушки леса юго-восточнее Дорохой установлены дальнобойные орудия.

...2 июня 1941 г. вечером в Сучава в помещении штаба дивизии немцы устроили бал, на который были приглашены румынские офицеры.

¹⁰ Там же. С. 200–201.

¹¹ Органы государственной безопасности СССР... С. 202–203.

На вечере немецкий генерал, обращаясь к офицерам, заявил: „Господа офицеры, настал час объединенными силами возвратить Бессарабию, Северную Буковину и отобрать Украину. Вот в чем наша цель борьбы против коммунизма“.

...Румынским правительством издан приказ – по окончании экзаменов в школах с 15 июня 1941 г. в целях размещения войск использовать все здания школ. В лицеях некоторые здания уже заняты под госпитали.

В Румынии проводится частичная мобилизация лиц 45-летнего возраста. Армейские части комплектуются по штатам военного времени. Проходит мобилизация конского состава...».

Имея такие донесения, квалифицированному штабисту совсем нетрудно вычислить примерную дату начала войны. Впрочем, о дате мы еще поговорим: она действительно вычисляется достаточно легко. Пока что продолжим читать донесения.

УНКГБ УССР по Львовской области. 12 июня 1941 г.

«Стрелочник железнодорожной станции Журавица Ковальский нашему источнику „Ковалевскому“ сообщил:

„Немцы усиленно готовятся к войне с Советским Союзом, для чего подтягивают к линии границы большое количество воинских частей, вдоль всей границы строят укрепления и окопы, внутри обивают их досками“.

...Источнику „Павловичу“ от осмотрика вагонов Зозули стало известно, что по границе реки Сан между селами немецкой территории Болестраце и Гурки немцы приготовили специальные переправочные мосты, замаскированные деревьями.

...В депо станции Журавица стоят 7 паровозов широкой колеи, причем 3 из них находятся круглосуточно под парами. Эти паровозы приготовлены специально на случай военных действий с Советским Союзом...

..., Из разговоров немецких солдат и офицеров можно заключить, что немцы готовят наступление на Советский Союз... На транспорте в пограничных пунктах происходит полная замена местных железнодорожников прибывшими воинскими железнодорожными частями“.

...В беседе с источником „Лугом“ осмотрик вагонов Зозуля рассказал, что все украинцы, которые служат в немецкой армии, в обязательном порядке обучаются парашютному делу... Учащихся обучают также сбрасывать на парашютах разного рода вооружение, вплоть до противотанковых пушек.

...На станцию Журавица привезли специальную машину, которая способна в течение часа перешивать 100 м пути широкой колеи на узкую.

В беседе 3 июня 1941 г. Зозуля источнику „Владимирову“ сообщил следующее:

„На станции Журавица немцы приготовили три железных разбирающихся моста легкого типа для переправы через реку Сан. В ночь на 3 июня 1941 г. на станцию Журавица прибыло более 1000 немецких солдат. Между Перемышлем и Жеиувом немцы сосредоточили большое количество воинских частей. Все это происходит потому, что, как объясняют немцы, германское правительство предъявило Советскому Союзу требование о пропуске немецких войск через территорию СССР в Иран, но Советский Союз отказал. Тогда немцы предъявили ультиматум с угрозой: если войска не будут пропущены, то они пойдут силой“»¹².

¹² Органы государственной безопасности СССР... С. 225–227.

Сторонник «защищающейся» Германии не преминул бы обратить особое внимание на окопы, которые немцы рыли на своей территории – раз окопы, значит, готовились не наступать, а обороняться. Впрочем, окопы нужны и на случай, если что-то пойдет не так. А вот паровозы широкой колеи и машинка для ее перешивки свидетельствуют однозначно: немцы готовятся к наступлению. Русская колея была шире европейской, и уж коль скоро германцы притащили паровозы, значит, они собираются не обороняться от мифического наступления Красной армии, а воевать на нашей земле. В полном соответствии с «Майн кампф»...

...А вот цитата из спецсообщения НКГБ БССР от 19 июня. Тут уже все по-простому, открытым текстом: «В связи с проведением подготовительных мероприятий к войне с Советским Союзом...»:

«...В связи с проведением подготовительных мероприятий к войне с Советским Союзом со стороны германских разведывательных органов за последние дни усилилась переброска на нашу сторону агентуры...

...Допросом диверсантов установлено, что германская разведка стремится к началу военных действий между Германией и СССР отрезать передвижение частей Красной Армии по железным дорогам, для чего провести диверсии на следующих стратегических пунктах...

...Как показывают диверсанты, срок начала военных действий определен на первые числа июля... причем они получили задание, если война не начнется до 1 августа, произвести диверсию вне зависимости от обстоятельств и возвратиться обратно в Германию.

...Кроме совершения диверсионного акта, Гордиевич и Чудук должны были поддерживать в период первых дней войны связь с германскими самолетами, для чего разведка обеспечила их соответствующим полотнищем...»¹³

Можно после такого говорить, что кто-то чего-то не знал?

«Нет, конечно, знали», – ответит наш оппонент, – «но Сталин не верил сам и запрещал другим, писал матерные резолюции, в чем был поддержан Берией».

Резолюции – это штука интересная. Начнем с бериевской. По разным работам гуляет докладная записка, которую он будто бы начертал 21 июня 1941 года:

«Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня „дезой“ о якобы готовящемся нападении на СССР. То же рапортовал и генерал-майор В.И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев. Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет».

Все это, конечно, очень мило – вот только ни в одном архиве этой докладной найти так и не удалось. По содержанию тоже возникает очень много вопросов. Почему Берия называет полномочного представителя СССР в Германии «послом»? С какой стати оный «посол» посылает донесения наркому внутренних дел, а не наркоминделу Молотову? (Последнему, кстати, такая практика очень бы не понравилась, а вес в государстве он имел больший, чем Лаврентий Павлович.) И уж тем более, почему такие же донесения посылает военный атташе, представитель конкурирующей структуры – военной разведки? Как бы отнесся к такой инициативе своего подчиненного нарком обороны, боевой маршал товарищ Тимошенко, даже представлять не хочется. А гадкий нарком внутренних дел мало того, что получает не полагающиеся ему донесения, так еще и требует наказать их авторов, проявляя при этом воистину тупейшее чувство юмора, в духе дешевой клоунады.

Одним словом – фальшивка, господа! И обсуждать тут нечего. А вот со знаменитой непечатной резолюцией Сталина на одном из донесений НКГБ вопрос обстоит куда инте-

¹³ Органы государственной безопасности СССР... С. 263–264.

реснее. Текст ее, кажется, скоро войдет в школьные учебники: *«Г-ну Меркулову. Можете послать ваш „источник“ из штаба герм, авиации к... матери. Это не „источник“, а дез-информатор. И. Ст.»*.

Действительно, в донесении говорится о подготовке Германии к войне. Но оно длинное и содержит много пунктов. «Источник в штабе германской авиации – это знаменитый агент НКГБ „Старшина“» (обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен, сотрудник управления связи германского министерства авиации). Сообщает он следующее:

«1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС от 6 июня¹⁴ воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся: электростанция „Свирь-3“, московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

5. Важные немецкие авиаремонтные мастерские расположены в Кенигсберге, Гдыне, Грауденце, Бреславле, Мариенбурге. Авиамоторные мастерские Милича – в Польше, в Варшаве – Очачи и особо важные – в Хейлигенкейле»¹⁵.

Что же в этом сообщении могло вызвать столь эмоциональную реакцию Сталина? У нас, конечно, считается, что это пункт 1. Почему? Да потому что Сталин запрещал упоминать о готовящемся нападении. А откуда взяли, что запрещал? Как – откуда? Да вот же она, резолюция-то! Зря смеетесь, логика сторонников «неожиданного нападения» именно такова.

Лично у меня гораздо больший интерес вызывает пункт 3. Перечитайте-ка его еще раз и попробуйте представить себе процесс бомбежки московских заводов при том, что а) подавляющее большинство немецких бомбардировщиков до Москвы не долетит; б) те, что все же доберутся, окажутся без прикрытия истребителей, поскольку последние не долетят точно; в) с той высоты, на которой будут действовать бомбардировщики без истребителей, не то что в авторемонтную мастерскую, а как бы в сам город не промахнуться! (Кстати, в реальности первый авианалет на Москву состоялся 23 июля.)

Неудивительно, что, прочитав это сообщение, Сталин недвусмысленно высказал наркому госбезопасности товарищу Меркулову пожелание – не спихивать свои обязанности по сортировке информации на главу государства.

Кстати, донесение содержит данные, полученные еще от одного агента – «Корсиканца» (доктор Арвид Харнак):

«Источник, работающий в Министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений „будущих округов“ оккупированной территории СССР, а именно: для Кавказа назначен Аммон, один из руководящих работников национал-социалистской партии в Дюссельдорфе; для Киева – Бурандт, бывший сотрудник Министерства хозяйства, до последнего времени работавший в хозяйственном управлении во Франции; для Москвы – Бургер, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица зачислены на военную службу и выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом.

¹⁴ На самом деле сообщение ТАСС датируется 14 июня.

¹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1 Накануне. Книга вторая. С. 237–238.

Для общего руководства хозяйственным управлением „оккупированных территорий СССР“ назначен Шлоттерер – начальник иностранного отдела Министерства хозяйства, находящийся пока в Берлине.

В Министерстве хозяйства рассказывают, что на собраниях хозяйственников, предназначенных для „оккупированных территорий СССР“, выступал также Розенберг, который заявил, что понятие „Советский Союз“ должно быть стерто с географической карты».

Почему-то эту информацию Сталин матерно не комментировал. Интересно, почему, если он не верил в нападение Германии? Исчерпал запас ненормативной лексики на первой половине донесения?

...Одним словом, о войне знали – да и не могли не знать. Трехмиллионную армию под кустом не спрячешь. Если так, то почему же к ней не готовились?

А вот тут нас ждут очень интересные неожиданности...

Глава 3. К вопросу о боевой готовности

Московский историк Г. Куманев в одной из своих книг приводит совершенно дивный эпизод из послевоенной биографии маршала Жукова.

«В соответствии со строжайшими указаниями Сталина всякая инициатива со стороны командующих округами и армиями по приведению в боевую готовность войск прикрытия стала немедленно пресекаться руководством Наркомата обороны и Генерального штаба. Характерной в этом отношении является телеграмма, направленная 10 июня 1941 г. начальником генштаба генералом армии Г.К. Жуковым в адрес командующего киевским особым военным округом генерал-полковника М.П. Кирпоноса, отменяющая приказ занять предполье. Выступая 13 августа 1966 г. в редакции „Военно-исторического журнала“, Г.К. Жуков говорил по этому поводу: „Сталин узнал, что Киевский округ начал развертывание армии по звонку Тимошенко... Берия сейчас же прибежал к Сталину и сказал, вот, мол военные не выполняют, провоцируют... занимают боевые порядки. Сталин немедленно позвонил Тимошенко и дал ему как следует взбучку. Этот удар спустился до меня „Что вы смотрите? Немедленно отвести войска, назвать виновных“. Ну и пошло. А уж другие командующие не рискнули. „Давайте приказ“, – говорили они. А кто приказ даст? Вот, допустим, я, Жуков, чувствуя нависшую над страной опасность, отдаю приказание: „Развернуть“. Сталину докладывают. На каком основании? „Ну-ка, Берия, возьмите его к себе в подвал...“»¹⁶

Приказ такой, действительно, существовал и был отменен – здесь товарищ Жуков рассказывает правду. Но во всем остальном... Как это было на самом деле, раскопал и рассказал в своей книге «Два плана маршала Жукова» исследователь Олег Козинкин. Итак, вот сам документ:

«Военному совету Киевского ОВО, б/н, 10.6.41

Начальник погранвойск НКВД УССР донес, что начальники укрепленных районов получили указание занять предполье. Донесите для доклада наркому обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такое действие может спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чревато всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и доложите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение. Жуков».

На что из округа в Москву в тот же день полетел совершенно замечательный ответ командующего округом Кирпоноса:

«...Доношу, что железобетонные сооружения и часть ДЗОТов батальонных районов № 7, 8, 9, 10 полевого строительства 1940 г. по Ковельскому УР заняты кадрами двух батальонов Ковельского УР согласно шифротелеграмме за подписью тов. Ватутина № 9/485 от 4.6 с. г. Во всех остальных УРах полевые сооружения нигде не заняты.

Сегодня дал распоряжение вывести гарнизоны из огневых точек Ковельского УР, удаленные от госграницы до 3 км и, не считаясь с дистанцией, из всех наблюдаемых с немецкой стороны. Распоряжение коменданту Ковельского УР подписано начальником штаба Пуркаевым.

Прошу указать – продолжать ли занимать гарнизонами огневые сооружения по переднему краю Владимир-Волынского, Струмиловского, Рава-Русского и Перемышльского УРов».

¹⁶ Цит. по: Куманев Г. Проблемы военной истории Отечества. – М., 2007. С. 75.

В переводе на нормальный человеческий язык это звучит так: «Почему занимаете укрепления?» «Так вы ж сами нам приказали! Вы уж там определитесь как-нибудь, чего вы хотите...» Какая прелесть!

Почему Жуков в своем рассказе четверть века спустя заменил шифротелеграмму Ватутина на звонок Тимошенко – понятно. Ватутин являлся начальником оперативного отдела Генштаба, так что приказ занять огневые сооружения должен был санкционировать начальник Генштаба. А кто был тогда начальником? Надо же! Тот самый маршал Жуков, который неделю спустя спрашивал Кирпоноса, почему он занимает огневые сооружения. Неудобно как-то получается: не то в штабе бардак и начальник не знает, что вытворяет его собственный оперативный отдел, не то оный начальник – двуличная сволочь, которая ругает командуемого округом за выполнение его же собственного приказа.

Маршалу, конечно, в 1966 году и в страшном сне бы не приснилось, что эта история когда-нибудь станет достоянием гласности, но подсознательно она его, видимо, мучила. Перевод стрелок на наркома это неудобство снимал: нарком мог и не ставить начальника ГШ в известность. Правда, хорош же в его рассказе получается Кирпонос, который начал выполнять такой приказ по звонку, не потребовав никаких фиксируемых на бумаге подтверждений, хотя бы той же шифротелеграммы! Но Кирпонос погиб еще в сорок первом, на него можно было валить все, что угодно.

Что произошло на самом деле? Военные, надо полагать, попросту психанули, устав ждать войны. Они погнали гарнизоны в огневые точки, пограничники заметили, доложили, Берия, понимая, чем чреваты такие маневры в виду неприятеля, прибежал к Сталину, виновные получили порцию матюков от вождя, части из огневых точек убрали. В общем-то, рабочий момент...

Но оцените, каков размах спекуляции! Два батальона превратились в весь округ, начавший «развертывание армии», а запрет занимать огневые сооружения УРОВ – в запрет приводить войска в боевую готовность.

К теме этой Жуков возвращался неоднократно, и с его подачи она стала общим местом. Вот, например, в проекте выступления на пленуме КПСС 19 мая 1956 г. он пишет:

«Вследствие игнорирования со стороны Сталина явной угрозы нападения фашистской Германии на Советский Союз, наши Вооруженные Силы не были своевременно приведены в боевую готовность, к моменту удара противника не были развернуты, и им не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника, чтобы, как говорил Сталин, „не спровоцировать немцев на войну“».

Какой пассаж! Так что: войска не были приведены в боевую готовность, не были развернуты или им не ставилась задача? Отложим последние два пункта на потом, поговорим пока о первом: «не были своевременно приведены в боевую готовность». А что это за зверь такой – боевая готовность? Армейская мудрость гласит: приказ, который может быть понят неправильно, будет понят неправильно. Значит, каждое используемое военными понятие должно быть насыщено конкретным смыслом, доходящим до каждого повара и до каждой обоймы патронов.

Короткое исследование данного вопроса привело к весьма интересным результатам. Оказывается, боевая готовность бывает разная.

Директивой РВС № 61582сс от 29 апреля 1934 г. в РККА было установлено три положения: нормальное, усиленное и положение полной готовности. Последнее предполагало следующий список мероприятий¹⁷:

«а) если части находились в лагерях – возвращаются на зимние квартиры;

¹⁷ Данный текст мне любезно предоставил участник Военно-исторического форума с ником «Серж», предположительно историк Сергей Чекунов.

б) оружие непзапаса¹⁸, огнеприпасы, снаряжение, обмундирование для первых эшелонов выдаются в подразделения и приводятся в готовность;

в) в танковых и танкетных подразделениях диски с боевыми патронами вкладываются в машины;

г) весь личный состав переводится на казарменное положение;

д) возимые запасы огнеприпасов, горючего, продфуража для 1-го моб. эшелона укладываются в обоз;

е) организационно оформляется 1-й моб. эшелон;

ж) части занимают пункты, если не будет особых распоряжений со стороны комвойск, наименее опасные в отношении внезапных атак с воздуха, и наиболее удобные для вытягивания в колонны для марша в районы выполнения боевой задачи;

з) карты непзапаса выдаются на руки начсоставу;

и) противогазы „БС“ выдаются на руки, элементы наливаются водой;

к) проводятся все организационные и подготовительные мероприятия по отмотобилизованию вторых моб. эшелонов...».

Что следует из этого списка? Если части не приведены в боевую готовность, то с началом войны командиры должны кинуться на склады за боеприпасами, горючим, снаряжением, картами и пр. Но ведь известно, что они не кинулись на склады, а начали воевать. Значит, все это у них было. Следовательно, части *были* приведены в боевую готовность.

Маршал Жуков тут немножко хитрит, смешивает понятия «боевая готовность» и «боевая тревога». Если часть приведена в боевую готовность, она должна быть готова в кратчайший срок выступить по сигналу тревоги. В 1941 году этот срок устанавливался в 2–3 часа. И зачем тогда занимать УРы 10 июня и сидеть в душных бетонных казематах, ожидая начала войны, если признаков ее начала еще нет, а поднять часть по тревоге можно за несколько часов?

А есть еще такое понятие, как боевая готовность округа. В этом случае выступают по тревоге части прикрытия государственной границы – они отмотобилизованы, имеют все необходимое на своих складах и первыми вступают в бой. А в глубине округов кадрированные части всего лишь начинают принимать приписной состав, который должен поступить по мобилизации, мобилизация же объявляется лишь после начала войны.

По Жукову же получается, что части Красной армии занимались тем, что драили полы в казармах и помогали колхозникам на полях, к войне не готовились вовсе, и лишь после нападения наспех... что? Расхватывали винтовки?

Уже из списка видно, что приведение части в боевую готовность – не одномоментное действие, а процесс. За более подробным разъяснением я обратилась к писателю Валерию Белоусову, автору книги «Горсть песка», бывшему офицеру-артиллеристу. Служил он, в другое время – но вряд ли пушки так уж сильно изменились со времен войны. Итак...

«Поговорим о том, что я знаю. Гаубичный дивизион 122-мм гаубиц М-30. Уровень дивизионной артиллерии. Всегда рядом с пехотой, прямо скажем, в одном боевом строю, как знаменитая „трехдюймовка“ на всех войнах конца девятнадцатого – начала двадцатого века.

Что мы тут имеем?

Три батареи по шесть орудий. Управление (разведчики, связисты, штаб), тылы (хозяйство, тяга, медпункт). Личного состава около полутора сотен человек...

Что такое полная боевая готовность?

1. Принять личный состав до численности по штату, а именно шесть человек расчета на орудие, водители на все тягачи, хоззвезд...»

¹⁸ Непзапас – неприкосновенный запас, НЗ.

Ладно, этот пункт за скобки вынесем. Будем считать, что части, находившиеся возле границы, уже отмотилизованы. Первый пункт выполнен. Что дальше?

«2. Расконсервировать тягачи, то есть установить аккумуляторы, заправить машины топливом, водой и маслом. Обычно из-за пожарной безопасности техника стоит сухая.

3. Прокрутить механизмы, вычистить орудия от смазки, промыть их керосином, залить гидравлику, прокачать пневматику, получить и установить прицелы (оптика хранится отдельно).

4. Получить боеприпасы и привести их в окснарвид, то есть окончательно снарядить: вынуть из ящичков, протереть керосином, вывинтить упорные крышки и вернуть взрыватели, уложить назад в ящики, разложить по весам (плюсики к плюсикам, минусики к минусикам), погрузить в технику.

5. Получить буссоли, дальномеры, бинокли, радиостанции, телефоны, кабель, проверить связь, получить таблицы кодов. Старшины получают сухпай, мехводы заправляют свои машины.

6. Получить личное оружие и боеприпасы.

7. Провести элементарное боевое слаживание, хоть пару раз выйдя на полигон, по ходу оставив на дороге половину техники.

8. Стрельнуть задачу номер один¹⁹.

Можно сказать, в первом приближении к боеготовности...

При подаче же команды „тревога“ все хватают одежду, не одеваясь, бегут к технике и выводят её из расположения в район сосредоточения».

Все это, кроме, в крайнем случае, последних двух пунктов, надо сделать, чтобы привести батарею в боевую готовность. Но ведь это еще не все.

«...Например: явился я на склад боеприпасов и требую выдать мне боекомплект. А мне и говорят, парень, ты что, не похмелился? Да на каком основании?! Дело в том, что склады подчиняются не войскам, а ГАУ, и без команды из Москвы мне ни одного патрона не выдадут. И Москве не нужно командовать: быстро выдать ст л-ту Белоусову В.И. полбэка. А поступает сигнал: „Акация“, к примеру. По этому сигналу в третью батарею первого дивизиона 453 МСД выдается 72 осколочно-фугасных снаряда ОФ-462, в комплектации. То же самое с горючим, продуктами, вещевым снаряжением...

А карты! Как артиллеристу стрелять без карты? Так вот, нужные листы выдаются на руки в штабдиве уже обрезанными и склеенными. А для того, чтобы нужный лист найти в секретном делопроизводстве, его обрезать, склеить и сложить, нужно часа два».

То есть каждая армейская служба приводится в боевую готовность по своей линии. Прежде чем занять УРы, солдатики должны были получить снаряды и патроны, пайки и индпакеты, воду и противогазы. Это все получали тоже «по звонку Тимошенко»? Не много ли у нас звонков?

«Е. П. Значит ли это, что „боевая готовность“ является следствием целой серии приказов?

В. Б. Что там серия? Лавина. Начиная с линии политотдела: приказ на проведение ППР (партиополитработы) – не смейтесь! Очень важная штука! Какие лозунги вешать, как ориентировать личный состав, как работать с агитаторами, секретарями партийной и комсомольской организации (помните аналогичную работу у немцев? – Е.П.), политбойцами... и кончая приказом по линии ДМП (дивизионного медпункта) – сколько выдать индивидуальных перевязочных пакетов, сколько сумок санинструкторам. А в артполку – три

¹⁹ Задача номер один из Курса артиллерийско-стрелковой подготовки", автор – знаменитый советский математик, комбриг Е. С. Вентцель (вот это женщина! – Е.П.) – цель одиночная, пулемет в окопе.

дивизиона. А в дивизии – два артполка. И еще танкисты-связисты-саперы... и по каждому роду войск свое начальство, кроме дивизионного. Там набирается столько бумаг, что дом можно оклеить вместо обоев. Причем приказы конкретные...»

Отдавались ли эти конкретные приказы? А то! Вот, например, директива Военного совета КОВО военным советам 5-й, 6-й, 12-й, 26-й армий. Дата – 11 июня 1941 г.

«1. В целях сокращения сроков боеготовности частей прикрытия и отрядов, выделяемых для поддержки погранвойск, провести следующие мероприятия:

Стрелковые, кавалерийские и артиллерийские части

а) Носимый запас винтовочных патронов иметь в опечатанных ящиках. На каждый станковый пулемет иметь набитыми и уложенными в коробки 50 % боекомплекта и на ручной пулемет 50 % снаряженных магазинов.

Ящики с патронами, коробки с набитыми лентами и дисками хранить в опечатанном виде в подразделениях в особо охраняемых помещениях.

Диски и патроны периодически освежать, ленты просушивать. Замену набитых дисков к ручным пулеметам производить через каждые два месяца.

б) Ручные и ружейные гранаты хранить комплектами в складах части в специальных ящиках для каждого подразделения.

в) 1/2 боекомплекта артснарядов и мин неприкосновенного запаса для всех частей прикрытия иметь в окончательно снаряженном виде. В частях, где до получения настоящей директивы было окончательно снаряжено свыше 1/2 боекомплекта артснарядов, дальнейшее хранение их оставить в снаряженном виде.

Для войсковой зенитной артиллерии иметь в окончательно снаряженном виде 1/2 боекомплекта артснарядов неzapаса.

Снаряды держать в закрытых на замок и опечатанных передках и зарядных ящиках.

г) Военно-химическое, инженерное и имущество связи хранить в складах части, комплектами для каждого подразделения.

д) Носимый запас продовольствия и личные принадлежности бойцов хранить в подготовленном виде для укладки в вещевые мешки и ранцы.

Сверх того в складах части хранить для каждого подразделения по одной суточной даче продовольствия и фуража, подготовленным к погрузке в обоз части. Кухни и обоз иметь в исправном виде с положенным к ним имуществом и запасными частями.

е) Запас горючего для всех типов машин иметь по две заправки – одна залитая в баки машин (тракторов) и одна в цистернах (бочках).

ж) В зимних условиях все подразделения должны быть обеспечены теплым бельем для всего состава части, рукавицами и маскхалатами.

Моторизованные и танковые части

з) На каждую боевую машину в складах части иметь 1/2 боекомплекта артснарядов неzapаса в окончательно снаряженном виде и 50 % боекомплекта патронов набитыми в ленты и диски. В частях, где до получения настоящей директивы было окончательно снаряжено свыше 1/2 боекомплекта артснарядов, дальнейшее хранение их продолжать в снаряженном виде.

Переснаряжение магазинов производить через каждые два месяца.

Укладку снарядов и снаряженных магазинов в машины производить по объявлении боевой тревоги.

б) Все остальные виды запасов хранить порядком, указанным для стрелковых, кавалерийских и артиллерийских частей.

в) Запас горючего для всех типов машин иметь по две заправки – одна залитая в баки машин (тракторов) и одна в цистернах (бочках).

2. Особо отработать вопрос подъема по тревоге частей прикрытия и отрядов поддержки погранвойск.

Сроки готовности по тревоге устанавливаю: для стрелковых и артиллерийских частей на конной тяге – 2 часа; для кавалерийских, мотомеханизированных частей и артиллерии на мехтяге – 3 часа. Зимой готовность частей соответственно 3 и 4 часа. Для отрядов поддержки готовность – 45 минут...»²⁰.

Еще раз повторим: судя по тому, что Красная армия сразу после немецкого нападения вступила в бой, а не разбежалась по складам, части к 22 июня были приведены в боевую готовность.

Вот теперь можно продолжить историю с укрепрайонами, которая вскоре приобрела уже совершенно шизофренический оттенок. Продолжим читать Козинкина:

«Внимательный читатель мог заметить, что в перечне укрепрайонов КОВО, на тот момент благополучно занятых гарнизонами, отсутствуют два самых южных. Но отсутствовали они недолго – 16 июня снова за подписями Военного совета КОВО в полном составе в Генеральный штаб летит следующая телеграмма: „Прошу разрешения занять кадрами Каменец-Подольского и Могилев-Ямпольского УР железобетонные сооружения первой линии этих УРов“. На документе длинная резолюция, написанная черным карандашом: „Занятие Каменец-Подольского и Могилев-Ямпольского УРов разрешено. Остропольский УР по старой границе подготовить к занятию также УРовскими частями с целью обучения и сколачивания. Срочно закончить формирование УРовских частей для Киевского УР, после чего подготовить УР к занятию кадрами“». И подпись: «Жуков, 18.6».

Мы читатели невнимательные и перечня УРов не знаем. Но не надо знать перечня, чтобы оценить свистопляску: 10 июня запрещали, 18-го разрешили. Получается, 18-го запрет на приведение войск в боевую готовность был снят? А как же со Сталиным, который до последнего часа игнорировал угрозу нападения?

Что, вообще, творилось в те дни на границе?

²⁰ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 265. Лл. 26–30.

Глава 4. 18 июня – выход на старт

Впервые эта дата появилась в опубликованных еще в начале 90-х годов протоколах судебного заседания над командующим Западным Особым военным округом генералом Павловым. Допрашивая начальника связи Западного фронта Григорьева, член суда спросил:

«...Вы дали такие показания: „выезжая из Минска, мне командир полка связи доложил, что отдел химвойск не разрешил ему взять боевые противогазы из НЗ. Артотдел округа не разрешил ему взять патроны из НЗ, и полк имеет только караульную норму по 15 патронов на бойца, а обозно-вещевой отдел не разрешил взять из НЗ полевые кухни. Таким образом, даже днем 18 июня довольствующие отделы штаба не были ориентированы, что война близка... И после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность“.

Подсудимый. Все это верно»²¹.

А вот и иллюстрация к рассказу писателя Белоусова, представляющая в новом свете причины разгрома Западного фронта. Какой простой саботаж: отдать приказы частям и забыть про довольствующие отделы.

Но, простите... сколько твердили миру, что Сталин не разрешал приводить войска в боевую готовность аж до самого немецкого нападения – и вдруг выясняется, что уже 18 июня весь штабной аппарат должен был знать о том, что война близка, и выдавать патроны и противогазы. А возможно, и раньше – ведь директива КОВО о приведении в боевую готовность датирована 11 июня! Такие директивы не пишутся без указаний из Москвы, а Москва не станет давать указания КОВО и не давать ЗапОВО – немец-то собирается наступать по всей западной границе!

Есть ли свидетельства того, что выдвижение, развертывание и приведение в боевую готовность войск действительно начались заблаговременно?

Да сколько угодно на самом деле!

Уже 13 мая Сталин санкционировал выдвижение войск из внутренних округов в приграничные.

14 мая командующие округами получили приказ разработать уточненный детальный план обороны границы и прислать в Генштаб на утверждение. Срок: 20–25 мая. Не выполнили, конечно – планы не были утверждены и месяц спустя. Но это отнюдь не значит, что их не существовало.

Как составляются такие планы? Генштаб дает задание, отправляет его в округа, оттуда задание спускается все ниже и ниже, до уровня полков. В соответствии с этим заданием в полках разрабатываются планы прикрытия границы и отсылаются обратно по цепочке. На каждом этаже военного здания их суммируют, сводят в планы более высокого уровня и передают дальше. Та еще волокита! Но то, что планы прикрытия границы не были утверждены, означало лишь одно: они не успели дойти до генштаба. А вот каждый командир полка знал, как ему действовать, и не мог не знать – он ведь сам составлял эти планы! Такая вот петрушка...

27 мая был отдан приказ о срочном строительстве полевых фронтовых командных пунктов...

12 июня Генштаб дал указание о выдвижении войск к государственной границе – они и начали выдвигаться.

Что же это за дата – 18 июня? Она явно очень важна. ГШ слал директивы в округа постоянно, но именно эта телеграмма отмечена на суде, как некий рубеж.

²¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2, Кн. 1. Начало. – М... 2000. С. 383.

Дело в том, что наша разведка донесла: гитлеровцы приказали населению к 4.00 утра 18 июня покинуть приграничную полосу. Это означало, что немецкие войска начинают выдвижение на исходные позиции. Той же датой отмечены и советские приказы – уже о выдвижении наших войск. Вот, например, достаточно давно уже известная директива штаба Прибалтийского военного округа.

«С целью быстрейшего приведения в боевую готовность театра военных действий округа ПРИКАЗЫВАЮ:

Командующим 8-й и 11-й армиями:

а) определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов, ПТ мин, ВВ и противопехотных заграждений на предмет устройства определенных, предусмотренных планом заграждений. Указанное имущество сосредоточить в организованных складах к 21.6.41;

б) для постановки минных заграждений определить состав команд, откуда их выделять, и план работы их. Все это через начинжов пограничных дивизий;

в) приступить к заготовке подручных материалов (плоты, баржи и т. д.) для устройства переправ через реки Виляя, Невяжа, Дубисса. Пункты переправ установить совместно с оперативным отделом штаба округа.

30-й и 4-й понтонные полки подчинить военному совету 11-й армии. Полки иметь в полной готовности для наводки мостов через р. Неман. Рядом учений проверить условия наводки мостов этими полками, добившись минимальных сроков выполнения;

е) командующим войсками 8-й и 11-й армий – с целью разрушения наиболее ответственных мостов в полосе: госграница и тыловая линия Шяуляй, Каунас, р. Неман прорекогносцировать эти мосты, определить для каждого из них количество ВВ, команды подрывников и в ближайших пунктах от них сосредоточить все средства для подрывания. План разрушения мостов утвердить военному совету армии. Срок выполнения 21.6.41.

7. Командующим войсками армий и начальнику АБТВ округа. Создать за счет каждого автобата отдельные взводы цистерн, применив для этой цели установку контейнеров на грузовых машинах, количество создаваемых отдельных взводов – 4.

Срок выполнения – 23.6.41. Эти отдельные взводы в количестве подвижного резерва держать: Тельшай, Шяуляй, Кейданы, Ионова в распоряжении командующих армиями.

д) Отобрать из числа частей округа (кроме механизированных и авиационных) бензоцистерны и передать их по 50 проц. в 3 и 12 мк. Срок выполнения 21.6.41 г.;

е) Принять все меры обеспечения каждой машины и трактора запасными частями, а через начальника ОСТ принадлежностями для заправки машин (воронки, ведра)».

Обратили внимание на сроки? В основном, 21 июня. И кто после этого может сказать, что в Москве не знали дату нападения?

Тут надо понимать вот что: сам собой командующий округом такую директиву родить не имел полномочий. Она могла появиться на свет только во исполнение соответствующей директивы Генштаба. Которая, естественно, была послана не одному лишь Прибалтийскому округу, а всем приграничным округам – судя по протоколу допроса Григорьева – 18 июня 1941 года.

Свидетельств о том, что войска приводили в боевую готовность за несколько дней до начала войны – множество. Мы не будем рассматривать их в большом количестве, посмотрим лишь кое-что. Например, еще в 1957 году в «Сборнике боевых документов», среди приказов и донесений первых дней войны каким-то образом – то ли по недосмотру, то ли, наоборот, по причине саботажа «генеральной линии», затесался один из предвоенных документов. И еще какой!

Из приказа по 12-му механизированному корпусу

№ 0033. 18 июня 1941 г.

«1. С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части.

2. Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять. Всю работу проводить быстро, но без шума, без паники и болтливости, имея положенные нормы носимых и возимых запасов продовольствия, горюче-смазочных материалов, боеприпасов и остальных видов военно-технического обеспечения. С собой брать только необходимое для жизни и боя.

3. Пополнить личным составом каждое подразделение. Отозвать немедленно личный состав из командировок и снять находящихся на всевозможных работах. В пунктах старой дислокации оставить минимальное количество людей для охраны и мобилизационные ячейки, возглавляемые ответственными командирами и политработниками.

4. В 23.00 18.6.41 г. частям выступить из занимаемых зимних квартир и сосредоточиться... (Дальше расписывается, какая дивизия куда выступает. – Е.П.).

5. Марши совершать только в ночное время. В районах сосредоточения тщательно замаскироваться и организовать круговое охранение и наблюдение. Вырыть щели, войска рассредоточить до роты с удалением роты от роты 300–400 м...»

А теперь обратите внимание на сроки – корпус буквально рванулся из военных городков.

«8. К 23.00 18.6.41 г. донести в штаб корпуса (Елгава) по телефону или телеграфу условной цифрой „127“ о выступлении с зимних квартир...

10. Командный пункт 12-го механизированного корпуса с 4.00 20.6.41 г. – в лесу 2 км западнее г. дв. Найсе (1266). До 22.00 18.6.41 г. командный пункт корпуса – Елгава»²².

На следующий день, 19 июня, в ПриОВО издан еще один приказ, где, в числе прочего, говорится:

«...В предполье закончить работы. Но позиции предполья занимать только в случае нарушения противником госграницы.

Для обеспечения быстрого занятия позиций как в предполье, так и (в) основной оборонительной полосе соответствующие части должны быть совершенно в боевой готовности...».

Это опять же к вопросу о высказываниях маршала Жукова. А вот еще пункт, уже окончательно свидетельствующий о том, что все понимали: через три дня будет война.

«Минные поля установить по плану командующего армией там, где и должны стоять по плану оборонительного строительства. Обратит внимание на полную секретность для противника и безопасность для своих частей. Завалы и другие противотанковые и противопехотные препятствия создавать по плану командующего армией – тоже по плану оборонительного строительства».

То есть не только приводили войска в боевую готовность, но и мины ставили!

И далее:

«...Выдвигающиеся наши части должны выйти в свои районы укрытия. Учитывать участвовавшие случаи перелета госграницы немецкими самолетами.

²² Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Т. № 33, 1957 г. // URL: <http://militera.lib.ru/docs/da/sbd/index.html>

Продолжать настойчиво пополнять части огневыми припасами и другими видами снабжения».

...В начале 50-х годов Военно-научным управлением Генерального штаба ВС СССР проводился опрос советских военачальников относительно сосредоточения и развертывания войск западных приграничных военных округов в июне 1941 года. В 1989 году «Военно-исторический журнал» начал публиковать его результаты. Правда, напечатали ответы лишь на первые два вопроса:

«Был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?»

«С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?»

Ответы были разные, но обратите внимание на даты!

Генерал-полковник танковых войск П. П. Полубояров (бывший начальник автобронетанковых войск ПрибОВО):

«16 июня в 23 часа командование 12-го механизированного корпуса получило директиву о приведении соединения в боевую готовность. Командиру корпуса генерал-майору Н. М. Шестопалову сообщили об этом в 23 часа 17 июня по его прибытии из 202-й моторизованной дивизии, где он проводил проверку мобилизационной готовности. 18 июня командир корпуса поднял соединения и части по боевой тревоге и приказал вывести их в запланированные районы. В течение 19 и 20 июня это было сделано.

16 июня распоряжением штаба округа приводился в боевую готовность и 3-й механизированный корпус (командир генерал-майор танковых войск А.В. Куркин), который в такие же сроки сосредоточился в указанном районе».

Генерал-лейтенант П.П. Собенников (бывший командующий 8-й армией):

«Командующий войсками округа решил ехать в Таураге и привести там в боевую готовность 11-й стрелковый корпус генерал-майора М.С. Шумилова, а мне велел убыть на правый фланг армии. Начальника штаба армии генерал-майора Г.А. Ларионова мы направили обратно в Елгаву. Он получил задачу вывести штаб на командный пункт.

К концу дня были отданы устные распоряжения о сосредоточении войск на границе. Утром 19 июня я лично проверил ход выполнения приказа. Части 10, 90 и 125-й стрелковых дивизий занимали траншеи и дерево-земляные огневые точки, хотя многие сооружения не были еще окончательно готовы. Части 12-го механизированного корпуса в ночь на 19 июня выводились в район Шяуляя, одновременно на командный пункт прибыл и штаб армии».

Генерал-майор И.И. Фадеев (бывший командир 10-й стрелковой дивизии 8-й армии):

«19 июня 1941 года было получено распоряжение от командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И.Ф. Николаева о приведении дивизии в боевую готовность. Все части были немедленно выведены в район обороны, заняли ДЗОТы и огневые позиции артиллерии. С рассветом командиры полков, батальонов и рот на местности уточнили боевые задачи согласно ранее разработанному плану и довели их до командиров взводов и отделений.

В целях сокрытия проводимых на границе мероприятий производились обычные оборонные работы, а часть личного состава маскировалась внутри оборонительных сооружений, находясь в полной боевой готовности...»

Генерал армии М.А. Пуркаев (бывший начальник штаба КОВО):

«13 или 14 июня я внес предложение вывести стрелковые дивизии на рубеж Владимир-Волынского укрепрайона, не имеющего в оборонительных сооружениях вооружения.

Военный совет округа принял эти соображения и дал соответствующие указания командующему 5-й армией.

Однако на следующее утро генерал-полковник М.П. Кирпонос в присутствии члена военного совета обвинил меня в том, что я хочу спровоцировать войну. Тут же из кабинета я позвонил начальнику Генерального штаба и доложил принятое решение. Г.К. Жуков приказал выводить войска на рубеж УРа, соблюдая меры маскировки».

Генерал-майор П.И. Абрамидзе (бывший командир 72-й горно-стрелковой дивизии 26-й армии):

«20 июня 1941 года я получил такую шифровку Генерального штаба: „Все подразделения и части Вашего соединения, расположенные на самой границе, отвести назад на несколько километров, то есть на рубеж подготовленных позиций. Ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу. Все части дивизии должны быть приведены в боевую готовность. Исполнение донести к 24 часам 21 июня 1941 года“».

И вот еще, на закуску, отрывок из воспоминаний бывшего военного комиссара 19-го мехкорпуса Ивана Калядина:

«Утром 19 июня меня неожиданно пригласил к себе командир корпуса. В его кабинете собрались начальник штаба полковник К. Д. Девятков, начальник оперативного отдела майор А. И. Казаков, начальники родов войск и служб. Был здесь и незнакомый мне полковник из штаба округа. Как только я вошел, генерал Фекленко, обращаясь к нему, сказал:

– Прошу вас, товарищ полковник, говорите.

Представитель штаба округа проинформировал собравшихся об активизировавшейся в последние дни наземной и воздушной разведке, проводимой противником на границе с СССР, и о том, что гитлеровское руководство не реагирует на соответствующие представления нашего правительства.

– В ближайшие дни возможно нападение гитлеровской Германии на нашу страну, – прямо сказал полковник. – В связи с этим Военный совет КОВО принял ряд важных решений. В частности, в течение сегодняшней ночи оперативное управление округа будет выведено на полевой командный пункт в районе города Тернополь. Командованию 19-го механизированного корпуса предлагается в ночь на 20 июня в целях предосторожности и защиты танковых дивизий от внезапных ударов с воздуха вывести все танки и артиллерию, автотранспорт и узлы связи, а также бронемашин механизированных частей из парков в безопасные места согласно утвержденному плану развертывания по варианту № 1. Подразделения ПВО получили боевую задачу по прикрытию районов новой дислокации войск...

Полковник уехал, а мы остались в кабинете, ожидая распоряжений комкора. Какое-то время он молчал. Потом встал, оглядел присутствовавших и сказал:

– Сколько волка ни корми, а он все в лес смотрит... Старая пословица верна, оказывается, по сей день. То, что мы слышали нынче, не должно, товарищи, обескуражить нас. Ничего неожиданного не случилось. Мы с вами давно готовились к этому... Причину вывода частей и соединений из гарнизонов не разглашать. На вопросы, кто бы их ни задал, будете отвечать, что это учебная тревога. Так сказать, тренировка. Партийные и советские руководители областей узнают обо всем по своей линии.

Комкор приказал начальнику штаба вместе с начальниками родов войск, а также отделу пропаганды в течение ближайших двух часов составить (соответственно) план вывода соединений и план партийно-политических мероприятий на этот период»²³.

То есть что мы видим? Начиная со второй половины мая, войска потихоньку подтягивают к границе. Примерно с 12 по 16 июня они начинают выдвижение, 18 числа, когда

²³ Калядин И. За каждую пядь земли. М., 1983. С. 7–8. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/kalyadin_is/01.html

уже становится ясно, что немцы занимают исходные позиции для наступления, наши части тоже получают приказы занять позиции по плану прикрытия и находиться в полной боевой готовности.

И в этой ситуации знаменитая «Директива № 1» (а на самом деле без номера) – уже не отчаянная попытка спасти положение, а закономерный итог той самой «лавины» приказов и директив. Патроны выданы, продукты получены, машины заправлены – теперь личный состав может спать в ожидании приказа.

Приказ поступил в ночь на 22 июня.

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота

1) В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2) Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, чтобы встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3) Приказываю:

а) В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе.

б) Перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать.

в) Все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно.

г) Противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

д) Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко, Жуков. 21.6.41»

Если рассматривать этот документ изолированно – он, конечно, является странным, расплывчатым. Но мы уже знаем, что к тому времени сделано. Знаем также, что «сроки готовности по тревоге... для стрелковых и артиллерийских частей на конной тяге – 2 часа; для кавалерийских, мотомеханизированных частей и артиллерии на мехтяге – 3 часа». То есть эти директива предписывает всего лишь сделать еще несделанное: поднять части по тревоге, занять огневые точки УРов на границе (тех самых, которые были в видимости немцев и которые не занимали до последнего), рассредоточить авиацию (это делалось в последний момент, чтобы немцы не могли заранее узнать расположение полевых аэродромов – а если повезет, то люфтваффе еще и побомбит пустые взлетные полосы) и привести в готовность ПВО. Остальное к тому времени должно уже быть готово.

Смущает лишь набившая уже оскомину фраза «на провокации не поддаваться». Она достаточно неконкретна, но наверняка к тому времени всему личному составу, от рядовых до генералов, уже все мозги просверлили разъяснениями по этому поводу. И все равно, даже в последней директиве упомянули.

Что же это за провокации такие, и почему наше правительство их так отчаянно боялось?

Глава 5. «На провокации не поддаваться!»

...И снова нам придется вернуться в русло международной политики.

Итак, к июню 1941 года положение игроков в кровавые шахматы Второй мировой было следующим. Франция оккупирована и вышла из игры. СССР и Германия связаны пактом о ненападении. Англия и Германия находятся в состоянии войны по принципу: «если слон нападет на кита – кто кого поборет?» Оба противника делают друг другу гадости на морских путях, дерутся в воздухе и немножко на суше в Африке и Европе. У британцев нет возможности вылезти из своей островной норки и что-то серьезное делать на европейских просторах, у Гитлера – желания класть солдат при переправе через Ла-Манш. (Имелся и еще один фактор – но о нем чуть позже.)

И тут с британцами случилась вполне понятная в их обстоятельствах неприятность – кончились деньги. Не на пирожные – на оружие. Значительную часть оружия и снаряжения британцы покупали у спонсора всех войн – Соединенных Штатов Америки, и вот теперь оплачивать военные поставки стало нечем.

Что касается позиции США, которые вроде бы стояли в стороне, но с живейшим интересом всматривались в происходящее – то она была достаточно занятой. Во-первых: да, Гитлера на пути к власти поддерживал американский капитал – но ведь не против Англии он его поддерживал! Янки вкладывали деньги в британского фюрера как в будущего терминатора против СССР – а что вышло?

Во-вторых: конечно, президенты США являются выразителями интересов капитала – однако не обязательно это одни и те же группировки, и не обязательно все финансовые группировки США имеют одни и те же политические интересы. Когда Гитлер шел к власти, президентом был Гувер, а потом его сменил Рузвельт, имевший несколько иные политические взгляды.

А есть еще и в-третьих. Президент США вынужден был лавировать между тремя группировками: поклонниками нацизма, которых имелось в США предостаточно, сторонниками участия в той или иной мере в европейском конфликте и самой сильной группой «изоляционистов», заявлявших, что война идет далеко, и нечего в нее вмешиваться.

Вот и вопрос: поддержат Соединенные Штаты Советский Союз в будущей войне или предпочтут остаться в стороне? А американцы были нам очень нужны, в первую очередь именно в качестве «спонсора всех войн». Так что деньги у британцев кончились очень вовремя.

В декабре 1940 года Рузвельт стал проталкивать через Конгресс закон о ленд-лизе. Этот закон давал право президенту передавать в заем или аренду правительству любой страны, оборона которой признается жизненно важной для безопасности США, военную технику, оружие, боеприпасы, снаряжение, стратегическое сырье, продовольствие и т. д. Безопасность – дело хорошее, но широким массам мало понятное, когда война идет за океаном. Попробуй объясни, как с ней связана какая-то бомбежка какого-то Лондона. Лондон – это вообще где?

Поэтому по ходу пиар-кампании нового закона все время говорили о высоких материях – что ленд-лиз предназначен странам, являющимся жертвами агрессии. Изначально закон принимался, как уже говорилось, для помощи Англии, у которой закончились деньги для оплаты военных поставок. Однако к тому времени намерения Гитлера пойти войной на СССР были уже настолько явными, что сам собой возник вопрос: можно ли распространять закон на Советский Союз, если он тоже окажется жертвой германской агрессии?

Не надо забывать, что союзниками мы стали только после 22 июня. До того в глазах американского обывателя Гитлер и Сталин были явлениями одного порядка. Их государства

считались в равной мере «империями зла» – тем более что были связаны пактом о ненападении, то есть в глазах мировой общественности являлись почти союзниками. Гитлер воевал с дружественной США Англией, поэтому оказался чуть-чуть более «плохим», но и только.

Обсуждение данного вопроса в Конгрессе вылилось в поправку, исключающую Советский Союз из числа государств, которые вправе претендовать на ленд-лиз. Поправку, правда, отклонили – однако весьма незначительным большинством: против нее проголосовали 66 % депутатов палаты представителей и 61 % сенаторов. Закон о ленд-лизе был принят 11 марта 1941 года. Но закон законом – а решать-то президенту!

Официальную позицию США по отношению к международным конфликтам образца 1941 года заместитель госсекретаря С. Уэллес определил так: *«Политика Соединенных Штатов заключается в том, чтобы предоставлять всю практическую помощь Великобритании, английским доминионам и другим странам, которые страдают от агрессии».*

Соответственно, чтобы претендовать на ленд-лиз и вообще на США в качестве союзника, нам совершенно необходимо было получить статус жертвы агрессии. Причем такой, чтобы под него никто не мог подкопаться.

В мае 1941 года над вождем статусом нависла новая угроза. Дело было во втором факторе, отвращавшем Гитлера от переправы через Ла-Манш: фюрер с самого начала своей политической карьеры являлся записным и убежденным англофилом, еще со времен «Майн кампф» не прекращал признаваться в любви к Англии и ради нее готов был на многое.

«Немецкий меч должен был бы завоевать землю немецкому плугу и тем обеспечить хлеб насыщенный немецкой нации. Для такой политики мы могли найти в Европе только одного союзника: Англию. Только в союзе с Англией, прикрывающей наш тыл, мы могли бы начать новый великий германский поход...»

Пытаясь убедить сторонников разделить эту любовь, Гитлер приводит самые разные аргументы. То были «восточные», а вот вам и «западные».

«Английская военная политика имела для Германии ужасающие последствия. Но это не должно помешать нам теперь понять, что ныне Англия уже не заинтересована в уничтожении Германии. Напротив, теперь с каждым годом английская политика все больше будет испытывать неудобства от того, что французская гегемония в Европе становится все сильнее... В вопросе о возможных союзниках наше государство не должно, конечно, руководствоваться воспоминаниями старого, а должно уметь использовать опыт прошлого в интересах будущего. Опыт же учит прежде всего тому, что такие союзы, которые ставят себе только негативные цели, заранее обречены на слабость. Судьбы двух народов лишь тогда станут неразрывны, если союз этих народов открывает им обоим перспективу новых приобретений, новых завоеваний, словом, усиления и той и другой стороны».

Но это еще что!? Помните сетования Гитлера, что Германии, мол, следовало в начале века делать то же, что и Япония – то есть воевать с Россией. А вот как, по его мнению, должна была строиться английская политика Германии:

«...Никакие жертвы не должны были показаться нам слишком большими, чтобы добиться благосклонности Англии. Мы должны были отказаться от колоний и от позиций морской державы и тем самым избавить английскую промышленность от необходимости конкуренции с нами...»

Как вам нравится уровень прогиба? И далее:

«Мы должны были полностью отказаться от колоний и от участия в морской торговле, полностью отказаться от создания немецкого военного флота. Мы должны были полностью сконцентрировать все силы государства на создании исключительно сухопутной армии. В результате мы имели бы некоторое самоограничение для данной минуты, но обеспечили бы себе великую будущность».

Забегая вперед во времени, скажем, что, в отличие от политической сферы, на пути пропаганды Гитлер добился многого. Так, например, заговорщики-генералы, те самые, которые чуть не взорвали фюрера в 1944 году, имели тесные связи с британской разведкой. И не только они. Рудольф Ресслер, самый результативный агент Второй мировой войны, формально работая на английскую разведку, под этим соусом добывал для нас *любые* сведения о германской армии. По заказу. Представляете, сколько генералов должны были давать ему информацию?

Как вы думаете, имелись у Сталина основания доверять англо-германской вражде?

Весной 1941 года Гитлер предпринял еще одну попытку заставить англичан с ним помириться. В апреле – мае он нанес ряд чувствительных ударов по английским войскам, находящимся в зоне британских интересов в Европе и Африке. В начале мая же случилось нечто уже совершенно безумное.

10 мая 1941 года ближайший сподвижник Гитлера Рудольф Гесс прилетел в Англию на военном самолете и выбросился с парашютом. Гитлер заявил, что он-де сошел с ума. Ему, конечно, поверили – как же не поверить Гитлеру! (Тем более, что материалы, связанные с «миссией Гесса», засекречены в Англии до сих пор.)

22 мая 1941 года советская политическая разведка докладывала Сталину:

«...По сведениям, полученным „Зенхеном“²⁴ в личной беседе с его приятелем Томом Дюпри (заместителем начальника отдела печати МИДа)...

...Во время бесед офицеров английской военной разведки с Гессом Гесс утверждал, что он прибыл в Англию для заключения компромиссного мира, который должен приостановить увеличивающееся истощение обеих воюющих стран и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи, как стабилизирующей силы.

По заявлению Гесса, он продолжает оставаться лояльным Гитлеру...

...В беседе с Кирк Патриком Гесс заявил, что война между двумя северными народами является преступлением. Гесс считает, что в Англии имеется стоящая за мир сильная античерчилльская партия, которая с его (Гесса) прибытием получит мощный стимул в борьбе за заключение мира.

Том Дюпри на вопрос „Зенхена“ – думает ли он, что англо-германский союз против СССР был бы приемлемым для Гесса, ответил, что это именно то, чего хочет добиться Гесс...

...В парламенте Черчиллю был задан вопрос – в распоряжении каких (военных или гражданских) властей находится Гесс.

Черчилль ответил: „Гесс – мой пленник“, – предупреждая тем самым оппозицию от интриг с Гессом.

„Зенхен“ считает, что сейчас время мирных переговоров еще не наступило, но в процессе дальнейшего развития войны Гесс, возможно, станет центром интриг за заключение компромиссного мира и будет полезен для мирной партии в Англии и для Гитлера».

А вот интересно: о чем Черчилль договаривался с Гессом, если эти переговоры до сих пор секретны?

В том же самом мае внезапно обострились советско-американские отношения. Заместитель наркома иностранных дел Лозовский 13 июня докладывал Сталину:

«Американское правительство за последнее время провело ряд враждебных мероприятий против Советского Союза. Помимо почти полного прекращения лицензий на вывоз оборудования, американское правительство запретило советским инженерам посещение заводов, провело мероприятия дискриминационного характера, ограничив свободу передвижения советских дипломатов, конфисковало принадлежащий нам иридий, потребовало

²⁴ "Зенхен" – псевдоним Кима Филби, занимавшего серьезный пост в британской разведке.

отъезда помощников военного атташе Березина и Овчинникова, организовало суд над служащими „Буккниги“ для того, чтобы доказать причастность Советского Союза к пропаганде в Соединенных Штатах и т. д. Сейчас вся американская пресса ведет бешеную кампанию против СССР, доказывая на все лады, что забастовочная война, прокатившаяся по Соединенным Штатам, вызвана „агентами Москвы“...»²⁵.

Если экономические меры еще хоть как-то объяснялись применением к СССР прокламации президента Рузвельта об экспортном контроле, то остальные мероприятия можно было расценить одним-единственным образом: как подготовку американского общественного мнения к тому факту, что США не вступит в войну на стороне СССР.

А теперь давайте представим себе два несбывшихся, но вполне возможных события. Первое – Гессу удастся прийти к соглашению с Лондоном. Британия, у которой нет ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, а есть лишь постоянные интересы, заключает с Германией мир. Второе – война начинается таким образом, что у Гитлера есть основания представить себя жертвой агрессии. Между тем в США уже развернуто мощное военное производство. Кто, в таком случае, получит помощь по ленд-лизу, а также Британию и США в качестве союзников?

Не надо забывать еще и про Японию, связанную с Германией тройственным пактом. Правда, японцы, которые вовсе не горели желанием воевать с СССР, имели лазейку: они обязаны были безоговорочно поддержать союзника, только если тот подвергнется нападению. И если советское правительство оставит Гитлеру лазейку для провокации, позволяющую ему представить Германию жертвой агрессии, то мы автоматически получаем войну еще и на восточных границах.

Так что немецкому фюреру очень важно было не позволить СССР получить статус страдающего от агрессии государства – чтобы дать США, где началась демонстративная антисоветская кампания, повод не вступать в войну на нашей стороне, а Японию, наоборот, заставить вступить. Нам же, соответственно, жизненно важно было не дать ему повода это сделать.

В конце мая министерство пропаганды Геббельса начало большую игру, запуская в оборот всевозможные слухи о предстоящем нападении Германии на Англию, возможно, даже в союзе с СССР. Схема провокации получалась чрезвычайно простая: Германия накапливает силы на границе, одновременно создавая впечатление, что на самом-то деле готовится удар по Англии. Естественно, силы накапливает и СССР. Затем происходит нечто такое, что можно представить «агрессией» с нашей стороны, и Германия наносит «ответный удар». Типа, мы собирались воевать с Британией, а эти русские сами на нас напали. В крайнем случае, если Советский Союз спровоцировать не удастся, немцы могли и инсценировать нападение, подобно тому, как они это проделали в Польше.

Ну что, были у Сталина основания снег студить, но не дать Гитлеру возможность представить нас инициаторами столкновения? Правда, до французского варианта с изъятием патронов он не дошел, но во всем остальном страховались и перестраховывались.

Одной из мер стало показное, нарочитое игнорирование угрозы войны, обставленное так, чтобы обязательно попасться на глаза как иностранным дипломатам, так и иностранным шпионам. СССР демонстрировал «непонимание» ситуации на всех уровнях, официальных и неофициальных. 9 июня японский посол в Москве телеграфировал своему коллеге в Софии:

«Усиленно циркулирующие слухи о том, что Германия нападет на Советский Союз, а в особенности информация, поступающая из Германии, Венгрии, Румынии и Болгарии, заставляют думать, что приблизился момент этого выступления...»

²⁵ Советско-американские отношения. 1939–1945. – М., 2004. С. 128.

Обстановка в Москве весьма спокойна, незаметны также и признаки подготовки к войне, а именно: мероприятия ПВО, сокращение количества такси и прочее, 24 мая я спросил об этом у Молотова. Он ответил, что в настоящее время между Германией и Советским Союзом не имеется трений, могущих повлечь к войне, но если возникнет конфликт, то он считает своим долгом разрешить его мирным путем. Кроме того, позавчера, 7-го числа, германский посол в беседе со мной сказал, что от правительства по этому вопросу никаких сообщений нет, что нет признаков подготовки к войне со стороны Советского Союза, который, должно быть, знает о существующей щекотливой ситуации, а кроме того, Советский Союз аккуратно выполняет обещания, данные Германии, поэтому трудно изыскать причины для нападения на Советский Союз».

10 июня Гитлер назначил начало кампании на 22 июня. В тот же день начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер издал соответствующее распоряжение, которое передали в войска. Британский центр радиоперехвата в Блечли поймал одно из этих сообщений, расшифровал и отправил «наверх». Естественно, попала эта информация и в британскую разведку, а там, на самом верху, сидели товарищи из «кембриджской пятерки» – резидентуры НКВД. Не позднее 12 июня сведения должны были оказаться в Москве.

Сталин, естественно, ответил – и еще как! 13 июня в 18 часов было передано по московскому радио и в тот же день по дипломатическим каналам вручено министрам иностранных дел заинтересованных государств то самое, знаменитое сообщение ТАСС. На следующий день оно было опубликовано в центральных советских газетах.

«Еще до приезда английского посла г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали мушкетироваться слухи о „близости войны между СССР и Германией“. По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними;

2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредотачивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР;

3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы, усиленно готовиться к войне с Германией и сосредотачивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного мушкетирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь место; 2) по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо».

Мало того, что Советский Союз демонстрировал отсутствие причин для войны. Сообщение являлось еще и ловушкой для Гитлера. У него было три варианта реагирования, один хуже другого: а) предъявить претензии СССР – расписавшись тем самым в подготовке войны; б) ответить аналогичным заявлением – тогда в случае нападения фюрер выставлял себя не просто агрессором, но еще и агрессором циничным и вероломным; в) промолчать, неявно выразив несогласие со Сталиным и признав, что «похолодание» в отношениях существует и идет из Германии.

Это был совершенно блестящий политический ход. Теперь, как бы ни повел себя фюрер, в случае начала войны он в любом случае выходил агрессором. У него оставалась одна надежда – что на границе все же произойдет нечто такое, что можно будет расценить как провокацию.

Кстати, данное сообщение ТАСС в условиях дезинформационной кампании Геббельса лучше всего доказывало: Сталин ни на мгновение не поверил, что Гитлер собирается напасть на Англию. Потому что когда по всему миру ходят слухи о тайном союзе СССР и Германии, делать подобное заявление можно лишь в одном случае: если советское правительство точно знает, что через несколько дней слухи будут опровергнуты самим ходом событий.

Дезориентировало ли сообщение ТАСС советских военных, помешало ли им готовиться к войне? Об этом замечательно говорится в военных мемуарах. Например, маршала Ротмистрова, который в мае 1941 года был назначен начальником штаба 3-го мехкорпуса (ПриБОВО).

«Командовал корпусом генерал-майор танковых войск А. В. Куркин – человек твердого характера и редкой работоспособности... Оба мы были абсолютно убеждены, что недалеко то время, когда, охмеленная легкими победами на Европейском континенте, гитлеровская армия ринется на Советский Союз. И даже известное Заявление ТАСС от 14 июня 1941 года о беспочвенности слухов, касающихся подготовки немцами войны против СССР, не поколебало нашей убежденности. Зачем тогда, рассуждали мы, гитлеровцы перебрасывают крупные военные силы в Восточную Пруссию, а их самолеты откровенно ведут воздушную разведку советской территории?»

...21 июня, буквально за несколько часов до вторжения немецко-фашистских войск в Литву, к нам в Каунас прибыл командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа генерал-полковник Ф. И. Кузнецов. Торопливо войдя в кабинет генерала Куркина, у которого я в то время был на докладе, он кивнул в ответ на наше приветствие и без всякого предисловия сообщил, как ударил:

– Есть данные, что в ближайшие сутки-двое возможно внезапное нападение Германии.

Мы молча переглянулись. И хотя нас в последние дни не оставляло предчувствие этой беды, сообщение Кузнецова ошеломило.

– А как же Заявление ТАСС? – изумленно спросил Куркин. – Ведь в нем говорилось...

– Но ведь это же внешнеполитическая акция, которая к армии не имела прямого отношения, – сказал командующий. Он устало опустил на стул, вытирая носовым платком вспотевшее, сильно осунувшееся лицо. – Не надо сейчас заниматься обсуждением этих проблем. У нас есть свои достаточно важные...»²⁶.

Вот так – а не лепетать с девической наивностью: «Но ведь товарищ Сталин сказал...». Товарищ Сталин сказал, и те, кому надо, поняли его правильно.

Берлин никак не прокомментировал сообщение ТАСС, что доказывало: война начнется в ближайшие дни. Теперь главное было – избежать слишком резких движений, и тогда Гитлеру не останется ничего, кроме как напасть на СССР без всякого повода и без объявле-

²⁶ Ротмистров П. Стальная гвардия. М., 1984. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/rotmistrov2/02.html>

ния войны. А может быть, в такой ситуации он, взвесив все обстоятельства, и не решится напасть, оставив в тылу формально воюющую с ним Англию? Это был совсем крохотный, но все же шанс. В конце концов, переносил же он сроки нападения на Францию, в конечном итоге начав вторжение на полгода позже, чем предполагалось изначально.

Какие были опасные моменты, которые, по понятиям того времени, можно было приравнять к намерению начать войну? Естественно, мобилизация. Затем, занятие войсками огневых сооружений укрепрайонов, видных с германской территории. Мол, как это так: сами делаете такие заявления, и сами сидите в дотах. Обстрел германской территории – особенно из пушек и пулеметов. И, наконец, нарушение войсками наземной границы.

Маскировались от противника. Маскировались и от союзников. Вот, например, что записал в своем дневнике генеральный секретарь исполкома Коминтерна Георгий Димитров 21 июня 1941 г.

*«В телеграмме Джоу Эн-лая из Чунцина в Янань (Мао Цзе-Дуну) между прочим указывается на то, что Чан Кайши упорно заявляет, что Германия нападет на СССР, и намекает даже дату – 21.06.41! ...Слухи о предстоящем нападении множатся со всех сторон...
...Звонил утром Молотову. Просил, чтобы переговорили с Иос. Виссарионовичем о положении и необходимых указаниях для Компартий.*

Мол.: „Положение неясно. Ведется большая игра. Не все зависит от нас. Я переговорю с И. В. Если будет что-то особое, позвоню!“»

То есть даже перед зарубежными коммунистами Сталин разыгрывал роль ничего не подозревающего доверчивого простака. Впрочем, игра, действительно, велась очень большая и того стоила. Ситуация была сложнейшая, стрелки весов застыли в неустойчивом равновесии на нулевой отметке, и сдвинуть их могло любое дуновение ветра.

Всем известно, что первым советскому народу о начале войны сообщим не Сталин, а Молотов, заместитель председателя Совнаркома и – это важно! – нарком иностранных дел. Об этой речи все слышали, но многие ли ее читали? А там, между прочим, говорилось следующее:

«Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города... Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспрецедентным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбие

бивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта...»

Гитлер, действительно, пытался представить СССР нападающей стороной, но выглядело это неубедительно и успеха не имело...

Глава 6. Загадка директивы

Вернемся, однако, к «Директиве № 1». По содержанию ее особых вопросов не возникает. По времени написания – тоже. Известно, что она была передана в войска в 0 часов 30 минут 22 июня. Даже с учетом зашифровки – расшифровки – передачи на ее выполнение времени хватало. Срок подъема частей по тревоге, как мы помним, – 2–3 часа. Немцы тоже не сразу пойдут в атаку. Сперва артподготовка, бомбежка – большого урона от них быть не должно, поскольку части держатся «рассредоточенно и замаскированно», в укрытиях, авиация – на полевых аэродромах, тоже замаскированная. Потом немцам надо переправиться через границу (а там еще и река может быть, и немаленькая). Наши линии обороны большей частью находятся в нескольких километрах от границы, их тоже надо пройти, пехота идет не быстрее 5 километров в час, это если по дороге... В общем, хватало времени изготавиться к обороне.

Итак, не возникает особых вопросов по содержанию и времени отправки. А вот по времени и обстоятельствам написания – есть, и много. Вот как, по воспоминаниям маршала Жукова, появился на свет этот документ:

«Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркомку и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев.

– Приезжайте с наркомом минут через 45 в Кремль, – сказал И. В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность».

О боевой готовности мы уже говорили. Странно другое: военные обычно пишут воспоминания достаточно четко. И уж время-то, тем более, если речь идет о таком дне, указывают. «Вечером» – это когда? В 17 часов, в 19, в 21? Можно, конечно, посмотреть по журналу посетителей, и мы непременно посмотрим, но такая расплывчатость сама по себе настораживает.

«И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

– А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? – спросил он.

– Нет, – ответил С. К. Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду».

Тут все интересно. Перебежчик явился к пограничникам. Те конечно, доложили о нем в округ (тут уж не время было считаться амбициями), но доложили и по начальству. Учитывая прежнюю историю, Берия добежал до вождя быстрее, чем доходили генералы, так что Сталин давно уже должен был все знать. И про перебежчика, и про то, не является ли он провокатором. Тем не менее он спрашивает об этом у Тимошенко, а товарищ Тимошенко, не видя в глаза перебежчика, не являясь чекистом, тем не менее свято уверен в его честности.

Следующий сталинский вопрос прямо-таки напрашивается: «Почему вы так считаете, товарищ Тимошенко?» Вот тут и начать бы говорить о данных разведки: что приграничная полоса полна немецких войск, с той стороны слышен шум моторов, разведка доносит то-то и то-то... Ничего подобного! Товарищ Сталин, читавший порой даже исходники разведдонесений, качеством столь судьбоносной информации совершенно не озабочен. А как же «на провокации не поддаваться?»

«Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

– Что будем делать? – спросил И. В. Сталин.

Ответа не последовало. (?! – Е.П.) (Ах, да! Мы и забыли! Они же все запуганы усатым злодеем до полной бессловесности! – Е.П.)

– Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, – сказал нарком.

– Читайте! – сказал И. В. Сталин.

Я прочитал проект директивы».

Интересно, кстати – что это за проект? Маршал его не приводит. Более того, ни в архивах, ни в литературе нет никаких следов первоначального текста.

«И. В. Сталин заметил:

– Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И. В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи...

С этой директивой Н. Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 минут 22 июня 1941 года. Копия директивы была передана наркому Военно-Морского Флота».

А теперь обратимся к журналу посетителей сталинского кабинета за 21 июня. Действительно, нарком обороны Тимошенко вошел туда в 19.05, но... без Жукова. При этом Сталин никак не мог «встретить его один», потому что у него к тому времени почти сорок минут сидел Молотов. Вместе с Тимошенко (а не после него) пришли еще шесть человек. Это Берия, Ворошилов, Маленков, начальник Госплана Вознесенский, начальник мобилизационно-планового отдела комитета обороны при Совнаркоме и какой-то Кузнецов. (В журнале указаны только фамилии, без инициалов и должностей. Историки могут выбирать из трех Кузнецовых, я обнаружила четвертого – впрочем, наличие пятого тоже не исключено). Из них член Политбюро – всего один (Ворошилов) и два кандидата (Берия и Маленков).

Затем Тимошенко ушел от Сталина в 20.15 и через полчаса вернулся вместе с Жуковым. Вечер? Вечер! Но никакого приватного разговора у них снова быть не могло, потому что у Сталина все еще находились Берия, Молотов, Ворошилов и Маленков, а вместе с нашими героями пришли Буденный и Мехлис. Все военные и Маленков покинули сталинский кабинет в 22.20.

Вам ничего не кажется странным? Ватутин-то где?

А не было там Ватутина вовсе!

Как видим, не было никаких частных бесед, а было совещание, чрезвычайно представительное, с участием всей руководящей «пятерки» (ее вычислить легко – через несколько дней «пятерка» будет преобразована в Государственный комитет обороны, состав которого мы знаем поименно). Насчет «молчащих членов Политбюро» – тоже «непонятки». Вы можете представить себе молчащего Мехлиса? Да и Буденного тоже – Ворошилов у него в Гражданскую был членом РВС армии, а Сталин – членом РВС фронта. Кого маршалу-кавалеристу бояться?

Опять же, во время этого совещания Жуков и Тимошенко выходят в приемную писать директиву, оставив прочих совещаться по военным вопросам без наркома и начальника ГШ. Им что – потом все по новой рассказывали? Или остальные их терпеливо ждали?

Одним словом, чушь какая-то получается...

Случайным свидетелем составления директивы стал нарком ВМФ адмирал Кузнецов, оставивший об этом аж целых два варианта воспоминаний. Согласно канонической версии, дело было так:

«...Около 11 часов вечера зазвонил телефон. Я услышал голос маршала С. К. Тимошенко:

– Есть очень важные сведения. Зайдите ко мне.

Быстро сложил в папку последние данные о положении на флотах и, позвав Алафузова²⁷, пошел вместе с ним. Владимир Антонович захватил с собой карты. Мы рассчитывали доложить обстановку на морях. Я видел, что Алафузов оглядывает свой белый китель, должно быть, считал неудобным в таком виде идти к Наркому обороны.

– Надо бы надеть поновее, – пошутил он. Но времени на переодевание не оставалось.

Наши наркоматы были расположены по соседству... Через несколько минут мы уже поднимались на второй этаж небольшого особняка, где временно находился кабинет С. К. Тимошенко.

Маршал, шагая по комнате, диктовал... Генерал армии Г.К. Жуков сидел за столом и что-то писал. Перед ним лежало несколько заполненных листов большого блокнота для радиোগрам. Видно, Нарком обороны и начальник Генерального штаба работали довольно долго.

Семен Константинович заметил нас, остановился. Коротко, не называя источников, сказал, что считается возможным нападение Германии на нашу страну.

Жуков встал и показал нам телеграмму, которую он заготовил для пограничных округов. Помнится, она была пространной – на трех листах. В ней подробно излагалось, что следует предпринять войскам в случае нападения гитлеровской Германии.

Непосредственно флотов эта телеграмма не касалась. Пробежав текст телеграммы, я спросил:

– Разрешено ли в случае нападения применять оружие?

– Разрешено.

Поворачиваясь к контр-адмиралу Алафузову:

– Бегите в штаб и дайте немедленно указание флотам о полной фактической готовности, то есть о готовности номер один. Бегите!

Тут уж некогда было рассуждать, удобно ли адмиралу бегать по улице. Владимир Антонович побежал, сам я задержался еще на минуту, уточнил, правильно ли понял, что нападения можно ждать в эту ночь. Да, правильно, в ночь на 22 июня. А она уже наступила!...»

То есть, когда пришел Кузнецов, Тимошенко диктовал, а Жуков записывал текст директивы в блокнот для радиোগрам. А вот когда этот текст был составлен?

В другом варианте своих воспоминаний, опубликованном в книге «Оборона Ленинграда», адмирал вспоминает этот момент несколько по-другому. Дело в том, что эта книга вышла в 1968 году, а сдана в набор аж в 1965-м. Мемуары маршала Жукова тогда еще не были опубликованы, а свой доклад на пленуме в 1956 году он так и не прочел, так что официальная позиция по вопросу, кто предложил привести войска в боевую готовность, не была известна. Вот что вспоминает адмирал:

«Когда вошли в кабинет, нарком в расстегнутом кителе ходил по кабинету и что-то диктовал. За столом сидел начальник Генерального штаба Г.К. Жуков и, не отрываясь, продолжал писать телеграмму. Несколько листов большого блокнота лежали слева от него:

²⁷ Контр-адмирал Алафузов в то время был начальником оперативного управления флота, заместителем начальника Главного морского штаба ВМФ.

значит, прошло уже много времени, как они вернулись из Кремля (мы знали, что в 18 часов оба они вызывались туда²⁸) и готовили указания округам.

„Возможно нападение немецко-фашистских войск“, – начал разговор С.К. Тимошенко. По его словам, приказание привести войска в состояние боевой готовности для отражения ожидающегося вражеского нападения было им получено лично от И.В. Сталина, который к тому времени уже располагал, видимо, соответствующей достоверной информацией. При этом С.К. Тимошенко показал нам телеграмму, только что написанную Г.К. Жуковым. Мы с В.А. Алафузовым прочитали ее. Она была адресована округам, а из нее можно было сделать только один вывод – как можно скорее, не теряя и минуты, отдать приказ о переводе флотов на оперативную готовность номер 1...»²⁹.

Вот так-так! Оказывается, не военные уговаривали Сталина привести войска в боевую готовность, а сами получили от него соответствующий приказ. Не Жуков рассказал вождю о перебежчике, а у Сталина уже была информация о близящемся нападении.

Вот теперь все становится на свои места. Конечно же, эту невероятно важную директиву – чтобы и привести войска в боевую готовность, и не дать Гитлеру повода кричать о «советской агрессии», и встретить врага у наших границ, и в то же время, если появится возможность, «отыграть» войну назад – не доверили бы составлять наркому и начальнику Генштаба. Девять из десяти, что родилась она на этом самом совещании, явившись плодом коллективного творчества, а теперь Тимошенко диктовал, а Жуков переписывал ее в шифроблокнот. И по времени совпадает – в 22.20 они вышли от Сталина, пока добирались до наркомата со всеми лестницами, коридорами и постами охраны, как раз «около одиннадцати» Тимошенко и должен был дойти до своего кабинета и позвонить Кузнецову, который на совещании не присутствовал. Есть сведения, что в шифровальный отдел директива попала в 23.45, минут тридцать-сорок на зашифровку, потом к связистам, и примерно в 0.30, как и писал Жуков, она ушла в войска.

Тут интереснее другое. Вернемся в соседний наркомат, к морякам. Первая телеграмма, которую дал прибежавший заместитель наркома, ушла в 23.50 и состояла из одной фразы³⁰:

«Немедленно перейти на оперативную готовность номер один»³¹.

Собственно директиву писали уже не торопясь, и отправилась она к флотам, несмотря на то, что была намного короче армейской, куда позже, чем у соседей – в 1.12.

«В течение 22.6. – 23.6. возможно внезапное нападение немцев. Нападение немцев может начаться с провокационных действий. Наша задача не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно флотам и флотилиям быть в полной боевой готовности встретить возможный удар немцев или их союзников. Приказываю, перейдя на оперативную готовность № 1, тщательно маскировать повышение боевой готовности. Ведение разведки в чужих территориальных водах категорически запрещаю. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»³².

То есть что сделал Кузнецов? Он отправил заместителя в наркомат, и тот передал флотам условный сигнал о приведении их в боевую готовность. А потом, дождавшись, пока военные отправят свою директиву, выслушал от них все новости и уже тогда, не торопясь, написал более подробные приказы.

²⁸ Вот как? Тимошенко вошел к Сталину в 19.05, а где в это время был Жуков? Или, может быть, Жуков, Буденный и Мехлис? Впрочем, Кремль большой. Сталинским кабинетом не ограничивается.

²⁹ Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. – Л., 1968. С. 224–227.

³⁰ Все три телеграммы предоставлены автору исследователем Олегом Козинкиным.

³¹ ЦВМА, ф. 216, д. 12487, л. 443. Подлинник.

³² ЦВМА, ф. 216, д. 12487, л. 442. Подлинник.

Что сделали на флотах, получив такие директивы? А что бы вы сделали? Правильно! С флотов пошли звонки в наркомат. Первым и главным вопросом было: «Стрелять на поражение можно?» «Можно!» – радостно отвечал нарком.

А в наркомате обороны что – телефона не было? Откуда вообще известно, что «Директива № 1» была на самом деле первой? Кто может утверждать, что, вернувшись с совещания, Тимошенко и Жуков не отправили первым делом в округа что-нибудь вроде «Привести в действие план прикрытия государственной границы» или не поручили тому же Ватутину связаться с командующими по ВЧ и предупредить их?

Кстати, согласно показаниям Павлова на следствии, Тимошенко той ночью звонил в округа. Но как!

«В час ночи 22 июня по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного Совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских. Первым вопросом по телефону народный комиссар задал: „Ну, как у вас, спокойно?“ Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувалкский выступ шли непрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов – Сопецкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения...»

Прелестно! У Павлова идут такие донесения, а он отправляется вечером в театр на оперетку и потом в штаб глаз не кажет. Впрочем, и Тимошенко тоже не лучше...

«На мой доклад народный комиссар ответил: „Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации – позвоните“. На этом разговор закончился».

Хорош нарком? «Соберите штаб утром»! Если, конечно, не врет подследственный Павлов, жертва сталинизма. А он врал всю дорогу, пытаясь переложить вину с себя на других, врал и путал, думая, что лопух-чекист ничего в военных делах не смыслит.

Впрочем, у нас есть еще одни мемуары, особых сомнений не вызывающие. Это воспоминания маршала Захарова, который в то время был начальником штаба Одесского военного округа. Вечером 21 июня он находился в штабе полевого командного пункта в Тирасполе и, естественно, никуда оттуда не уходил. В Одесский округ тоже пришел звонок, но не в час ночи, а значительно раньше.

«Около 22 часов 21 июня по аппарату БОДО меня вызвал на переговоры из Одессы командующий войсками округа. Он спрашивал, смогу ли я расшифровать телеграмму, если получу ее из Москвы. Командующему был дан ответ, что я любую шифровку из Москвы расшифровать смогу. Последовал опять вопрос: „Вторично спрашиваю, подтвердите свой ответ, можете ли расшифровать шифровку из Москвы?“ Меня крайне удивило повторение запроса. Я ответил: „Вторично докладываю, что любую шифровку из Москвы могу расшифровать“. Последовало указание: „Ожидайте поступления из Москвы шифровки особой важности. Военный совет уполномочивает вас шифровку немедленно расшифровать и отдать соответствующие распоряжения...“».

В 22 часа и Жуков, и Тимошенко еще были в сталинском кабинете. Но кто-то ведь сообщил командующему Одесским округом о том, что надо ждать очень важную директиву. Значит, или нарком, или начальник ГШ позвонили кому-то из своих заместителей, коротко ввели в курс дела и приказали обзванивать округа. Возможно, этим как раз и занимался упомянутый, но не присутствующий Ватутин. Любопытна реакция Захарова:

«После получения такого распоряжения мною было немедленно дано указание начальнику шифровального отдела выделить опытного шифровальщика, способного быстро и точно расшифровать телеграмму, как только последует вызов из Москвы к аппарату

БОДО и начнется передача. Спустившись в помещение узла связи, я вызвал к аппарату БОДО оперативного дежурного по Генеральному штабу и спросил его, когда можно ожидать передачу шифровки особой важности. Дежурный ответил, что пока не знает. Оценив создавшееся положение, около 23 часов 21 июня я решил вызвать к аппаратам командиров 14-го, 35-го и 48-го стрелковых корпусов и начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса, командир которого генерал П.А. Белов был в то время в очередном отпуске и отдыхал в окружном санатории в Одессе... Всем им были даны следующие указания: 1. Штабы и войска поднять по боевой тревоге и вывести из населенных пунктов. 2. Частям прикрытия занять свои районы. 3. Установить связь с пограничными частями...».

Обратите внимание: начальник штаба Одесского округа начинает действовать за два часа до получения директивы. Он, по сути, и не нуждался в приказе – порядок действий ему диктовали предшествующие мероприятия и план прикрытия государственной границы. Поэтому странный двойной запрос из штаба округа (явно последовавший за двойным запросом из Москвы) он воспринял как сигнал к действию.

«Возвратившись в штаб, где к этому времени были собраны начальники отделов и родов войск, а также командующий ВВС округа, я информировал их о том, что ожидается телеграмма особой важности из Москвы и что мною отданы соответствующие приказания командирам корпусов. Тут же присутствовал командир 2-го механизированного корпуса генерал-майор Ю.В. Новосельский, штаб которого размещался в Тирасполе. Последнему также было дано указание о приведении дивизий корпуса в боевую готовность и выводе их в намеченные районы ожидания. Таким образом, непосредственно в приграничной полосе ОдВО по боевой тревоге были подняты семь стрелковых, две кавалерийские, две танковые и моторизованная дивизии и два укрепленных района...»

Командующему ВВС округа было предложено к рассвету рассредоточить авиацию по оперативным аэродромам. Последний высказал возражения, мотивируя их тем, что при посадке на оперативные аэродромы будет повреждено много самолетов. Только после отдачи ему письменного приказа командующий ВВС приступил к его исполнению».

И лишь тогда подоспела директива:

«Примерно во втором часу ночи 22 июня дежурный по узлу связи штаба доложил, что меня вызывает оперативный дежурный Генерального штаба к аппарату БОДО. Произошел следующий разговор: „У аппарата ответственный дежурный Генштаба, примите телеграмму особой важности и немедленно доложите ее Военному совету“. Я ответил: „У аппарата генерал Захаров. Предупреждение понял. Прошу передавать“...»

...Получив директиву народного комиссара обороны, я был очень взволнован, так как отданное приказание о выводе войск округа в районы прикрытия на государственную границу находилось в противоречии с полученными из Москвы указаниями. Мною было принято решение – передать от имени командующего войсками округа содержание приказа народного комиссара обороны командирам корпусов для неуклонного исполнения и руководства, что и было немедленно сделано. Однако прежнее распоряжение не только о приведении войск округа в боевую готовность, но и о выводе их в районы ожиданий тоже не отменялось. Более того, объявлялась боевая тревога во всех гарнизонах округа».

Оно конечно, не во всех округах были такие инициативные начштаба. Но согласитесь, вышеприведенный рассказ находится с показаниями Павлова в определенном противоречии.

Павлов вообще персонаж в высшей степени интересный.

Глава 7. «Жертвы режима»

Сколько фильмов и книг начинали рассказ о войне с этих драматических кадров! В четыре часа утра 22 июня немцы обрушивают на мирно спящих в казармах советских солдат огненную артиллерийскую бурю, перепуганные красноармейцы в нижнем белье мечутся по двору воинской части, падают, сраженные осколками...

Вот сейчас, сейчас меня спросят: «Неужели этого не было?» «Было! – отвечу я. – Конечно же, было! В 4-й армии Западного особого военного округа, расквартированной в Бресте, было именно так».

Это ж надо уметь – натянуть одну армию на всю границу! Да здравствует советское искусство!

Накануне войны непосредственно в Брестской крепости были расквартированы части 6-й и 42-й стрелковых дивизий – около 7 тысяч человек. Выйти из крепости не в сторону немцев можно было лишь через одни северные ворота. Кроме того, неподалеку от Бреста, в трех километрах от границы, стояла 22-я танковая дивизия. Расположена она была в военном городке на ровной местности, тут же жили семьи комсостава. Госпиталь 4-й армии находился и вовсе на острове через пограничную реку Буг. Немцы подняли в воздух аэростаты с корректировщиками и, как на учебных стрельбах, расстреляли все три дивизии.

Чем надо было думать, чтобы накануне войны так разместить войска? И кто персонально являлся обладателем этой умной головы? Исследователь Игорь Кузнецов в статье «Почему Брестская крепость стала ловушкой для своих защитников?» пишет:

«...Дивизии легких танков (а вооружена „брестская“ 22-я танковая дивизия была одними только Т-26) на берегу пограничной реки делать совершенно нечего. Сначала артиллерия должна подавить систему огня противника, затем пехота должна навести переправы и захватить плацдарм на вражеском берегу – и вот только после этого из глубины оперативного построения в прорыв должна ворваться танковая армада. Именно так докладывал высокому совету в декабре 1940 г. главный танкист РККА генерал Павлов, именно поэтому в „красном пакете“ районом сосредоточения для 22-й тд был указан отнюдь не восточный берег Буга, а Жабинка в 25 км от Бреста!»³³

Знакомая фамилия, однако! Уж не тот ли этот самый генерал Павлов, который накануне войны командовал Западным особым военным округом? И тот самый, который писал 22-й танковой дивизии директивы на разработку «красных пакетов»?

Прочие танковые и моторизованные дивизии РККА были размещены не ближе, чем в нескольких десятках километров от границы, куда не достанет никакой артогонь. Более того, к 22 июня все они должны были быть выведены из военных городков в районы сосредоточения. Все находящиеся в пограничной полосе стрелковые дивизии тоже должны были быть отведены на несколько километров от границы, на рубеж подготовленных позиций. А 22-я танковая и две стрелковые дивизии почему торчали возле границы, несмотря на планы прикрытия и приказы ГШ?

Будучи спрошены об этом на суде, командующий округом Павлов и командующий 4-й армией Коробков пытались перевалить вину друг на друга. Этот разговор, учитывая то, что мы уже знаем, более интересен, чем кажется. Итак:

«Я признаю себя виновным в том, что не успел проверить выполнение командующим 4-й армией Коробковым моего приказа об эвакуации войск из Бреста. Еще в начале июня я

³³ Кузнецов И. Почему Брестская крепость стала ловушкой для своих защитников? // URL: <http://inosmi.ru/world/20130701/210545153.html>

отдал приказ о выводе частей из Бреста в лагерь. Коробков же моего приказа не выполнил, в результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противником...

...
Павлов: *„После того как я отдал приказ командующим привести войска в боевое состояние (это что – какой-то новый армейский термин? – Е.П.), Коробков доложил мне, что его войска к бою готовы. На деле же оказалось, что при первом выстреле его войска разбежались.*

Состояние боеготовности 4-й армии, находящейся в Бресте, я не проверял. Я поверил на слово Коробкову о готовности его частей к бою“³⁴.

Гражданин Павлов и дальше будет пытаться представить себя банальным раздолбаем. Не проверил, видите ли... Четверть века в армии – и не проверил! Но давайте-ка послушаем Коробкова.

„Председательствующий. *Подсудимый Павлов на предварительном следствии дал о вас такие показания: „Предательской деятельностью считаю действия начальника штаба Сандалова и командующего 4-й армией Коробкова. На их участке совершила прорыв и дошла до Рогачева основная мехгруппа противника и в таких быстрых темпах только потому, что командование не выполнило моих приказов о заблаговременном выводе частей из Бреста“.*

Коробков. *Приказ о выводе частей из Бреста никем не отдавался. Я лично такого приказа не видел.*

Павлов. *В июне по моему приказу был направлен командир 28-го стрелкового корпуса Попов с заданием к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста в лагерь.*

Коробков. *Я об этом не знал. Значит, Попова надо привлекать к уголовной ответственности за то, что он не выполнил приказа командующего*“³⁵.

Генерал-майора Попова, несмотря на то, что был он казаком и царским офицером, никто к ответственности не привлекал. Возможно, даже не допрашивал – ибо трудно поверить в то, что командующий округом забыл такие слова, как „шифровка“, „директива“, „телеграмма“, с помощью которых обычно отдавались приказы, или, на крайний случай, термин „офицер связи“. На вопрос председательствующего бывший командующий округом должен был представить черновики соответствующих директив, или хотя бы призвать в свидетели своего начальника штаба, сидящего рядом на скамье подсудимых – были, были директивы! Вместо этого он лепит неуклюжую сказочку о некоем распоряжении, отданном некоему генералу.

Но на самом деле все еще более отвратительно. В армии ведь понимали, что война близка, что части расположены крайне неудачно. Командиров РККА можно было упрекать во многом, но не в отсутствии инициативы, и они постоянно напоминали командованию, что части расположены плохо, что их надо из крепости убирать. И как реагировали на эти напоминания в округе? Слово свидетелям:

Подполковник Синковский (в то время майор, начальник оперативного отдела штаба 28-го стрелкового корпуса 4-й армии):

„...Командование 28-го СК возбудило перед командованием 4-й армии ходатайство о разрешении вывести 6-ю и 42-ю дивизии из крепости. Разрешения не последовало...“.

Командир 28-го стрелкового корпуса – это как раз тот самый генерал-майор Попов, на которого ссылался Павлов на суде. Возможно, его все же допросили – и уж он-то все рассказал!

³⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2, Кн. 1. Начало. – М... 2000. С. 382, 386.

³⁵ Органы государственной безопасности СССР... С. 390.

Генерал-полковник Сандалов, накануне войны – полковник, начальник штаба 4-й армии (именно он заменил командующего и остановил отход армии).

„...Настоятельно требовалось изменить дислокацию 22-й танковой дивизии, на что, однако, округ не дал своего согласия...“.

Генерал-майор авиации Белов (тогда – полковник, командир 10-й смешанной авиадивизии):

„20 июня я получил телеграмму начальника штаба ВВС округа полковника С. А. Худякова (репрессирован не был – Е.П.) с приказом командующего ВВС округа: „Привести части в боевую готовность. Отпуск командному составу запретить. Находящихся в отпусках отозвать“.

Сразу же приказ командующего был передан в части. Командиры полков получили и мой приказ: „Самолеты рассредоточить за границей аэродрома, там же вырыть щели для укрытия личного состава. Личный состав из расположения лагеря не отпускать“.

О приказе командующего ВВС округа я доложил командующему 4-й армии генералу Коробкову, который мне ответил:

– Я такого приказа не имею.

В этот же день я зашел к члену Военного Совета дивизионному комиссару Шлыкову.

– Товарищ комиссар, получен приказ от командующего ВВС округа – привести части в боевую готовность. Я прошу вас настоять перед округом отправить семьи комсостава.

– Мы писали в округ, чтобы разрешили вывести из Бреста одну дивизию, некоторые склады и госпиталь. Нам ответили: „Разрешаем перевести лишь часть госпиталя“. Так что ставить этот вопрос бесполезно“³⁶.

Получается, Павлов не только не приказывал, наоборот – прямо запрещал выводить части из крепости. Странно другое: почему Коробков не просил, не требовал у командования такого разрешения? А если требовал, то почему ни слова не сказал об этом на суде – о своих докладных и запретах командования округа?

Суд пришел к выводу, что виновны оба. Начальник штаба 4-й армии Сандалов арестован не был, а значит, вывод войск тормозился на уровне округа, иначе бы судили и его тоже, как судили и расстреляли начальника штаба округа Климовских.

Но это только первый акт разбора действий генерала Павлова. Потому что все опять же было куда любопытней. Вернемся к протоколу судебного заседания:

„Павлов. Я признаю себя виновным в том, что директиву Генерального штаба РККА я понял по-своему и не ввел ее в действие заранее, то есть до наступления противника. Я знал, что противник вот-вот выступит, но из Москвы меня уверили, что все в порядке, и мне было приказано быть спокойным и не паниковать...“³⁷

Ну вот, все интересней и интересней. О какой именно директиве идет речь? Той, которая теперь называется „Директива № 1?“ А как ее, простите, можно понять „по-своему“? Там же все сказано предельно конкретно, в расчете на армейское мышление. И потом, как же другие директивы? Например, от 18 июня, после которой „части округа не были приведены в боевую готовность“?

Идем дальше. 7 октября 1941 года состоялся суд над начальником оперативного отдела штаба Западного фронта генерал-майором Семеновым и его заместителем, полковником Фоминым. Их обвиняли в том, что они проявили преступную халатность и беспечность в деле подготовки и приведения войск округа в боевую готовность, не приняли должных мер

³⁶ Белов Н. Горячие сердца // URL: http://brestfortress.blogspot.ru/2010/03/blog-post_3015.html

³⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2, Кн. 1. Начало. – М... 2000. С. 382.

к обеспечению оперативного развертывания воинских частей. Об измене и участии в заговоре речи не шло³⁸.

Так вот: на суде Семенов утверждал, что еще до начала войны неоднократно предлагал вывести части и соединения округа из мест постоянной дислокации и отвести их на 10 км от границы. Командование округа, опять же, предложения не приняло. Получается, директивы Генерального штаба не выполнялись не только в Бресте, а во всем округе?

Отвечая в 1952 году на вопросы Военно-научного управления Генштаба, это же отмечал бывший начальник штаба 10-й армии генерал-майор Ляпин. *„Все распоряжения штаба ЗапОВО были направлены на то, чтобы создать благодушную обстановку в умах подчиненных. „Волынка“ с утверждением разработанного нами плана обороны госграницы, с одной стороны, явняя подготовка противника к решительным действиям, о чем мы были подробно осведомлены через разведорганы, – с другой, совершенно дезориентировали нас и настраивали на то, чтобы не придавать серьезного значения складывавшейся обстановке...*

Судя по тому, что за несколько дней до начала войны штаб округа начал организовывать командный пункт, командующий войсками ЗапОВО был ориентирован о сроках возможного начала войны. Однако от нас никаких действий почему-то не потребовал...“³⁹.

Начсвязи Западного фронта Григорьев, тот самый, подчиненным которого 18 июня не выдавали патроны и противогазы и который как раз и упоминал директиву (еще бы ему-то о ней не знать!), говорил на суде:

„Война... застала Западный особый военный округ врасплох. Мирное настроение, царившее все время в штабе, безусловно, передавалось и в войска. Только этим „благодушием“ можно объяснить тот факт, что авиация была немецким налетом застигнута на земле. Штабы армий находились на зимних квартирах и были разгромлены и, наконец, часть войск (Брестский гарнизон) подвергалась бомбардировке на своих зимних квартирах.

Чл. суда тов. Орлов. *Чувствовалось ли в штабе округа приближение войны?*

Подсудимый. *Нет. Начальник штаба округа Климовских считал, что все наши мероприятия по передвижению войск к границе есть мера предупредительная“.*

Какая прелесть, правда? Эти протоколы впервые были опубликованы двадцать лет назад, когда в умах еще царила версия „внезапного нападения“ и „испуганного Сталина“. Тогда эти люди считались жертвами режима. Десять лет назад они еще могли показаться раздолбаями. Но Павлов – не мальчик, он боевой генерал, ветеран Первой мировой и Гражданской, дрался с басмачами, воевал в Испании, был одно время начальником автобронетанкового управления РККА. То есть служебный и боевой опыт имел большой и разнообразный. Кем, кроме предателей, мы назовем этих людей сегодня?

Тема предательства многотрудной деятельностью генерала Павлова на ниве саботажа отнюдь не исчерпывается. В военных мемуарах мы можем найти очень много странных фактов и фактиков.

Вот, например, воспоминания маршала Рокоссовского (КОВО):

„Последовавшие... из штаба округа распоряжения войскам о высылке артиллерии на артполигоны, находившиеся в приграничной зоне, и другие нелепые в той обстановке распоряжения вызывали полное недоумение.

Нашему корпусу удалось отстоять свою артиллерию, доказав возможность отработки артиллерийских упражнений в расположении корпуса, и это спасло нас в будущем“⁴⁰.

³⁸ Степанов В. Без вины виноватые // Красная звезда. 2011, 6 апреля.

³⁹ Крикунов В. Фронтовики ответили так! // URL: <http://liewar.ru/content/view/186/2/>

⁴⁰ Рокоссовский К. Солдатский долг // URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/rokossovsky/01.html>

С этими широко известными воспоминаниями перекликается вообще никому не известный комментарий в интернете:

„Мой покойный ныне дядя рассказывал, что в начале сороковых их дивизион 76 мм гаубиц стоял недалеко от Бреста, и в самый канун войны они получили приказ разобрать все пушки, упаковать в ящики и отправить на склад, т. е. остались они с голыми руками“⁴¹.

„Нелепые“ распоряжения – это маршал, мягко говорит, вуалирует. Какие же они нелепые? В той обстановке это распоряжения вполне осмысленные и разумные. Вот только цель у них другая – не дать отпор врагу, а, наоборот, предельно облегчить ему проникновение на советскую территорию. Таких действий, очень похожих на саботаж, в предвоенные дни было больше чем достаточно.

Вот, например: в ходе подготовки к войне в 28-й стрелковый корпус ЗапОВО с окружающих складов привезли артиллерийские снаряды, не приведенные в боевую готовность. Дело в том, что снаряды и взрыватели к ним хранятся отдельно, и лишь перед стрельбой их снаряжают – то есть привинчивают взрыватели. Так вот, взрыватели оказались недовернуты. Снаряды при стрельбе не взрывались, а внешне выглядели, как нормальные. Большинство минометных мин не имели взрывателей вовсе.

А вот Прибалтийский округ, полк тяжелой артиллерии 16-го стрелкового корпуса 11-й армии. То ли 19-го, то ли 20 июня туда прибыла комиссия из штаба округа. Возглавлявший ее генерал приказал снять с пушек прицелы и сдать их для проверки в окружную мастерскую в Риге, за 300 километров от расположения части. Правда, командир полка после отъезда комиссии распоряжение не выполнил. А в гаубичном артполку 75-й дивизии все той же 4-й армии (ЗапОВО) 19 июня были увезены в Минск на поверку все оптические приборы, вплоть до стереотруб. Естественно, к 22 июня их назад не вернули. А еще генерал, приехавший к артиллеристам ПриОВО, разрешил комсоставу частей в выходные съездить в Каунас, к семьям.

Интереснейшая история случилась с ПВО все того же Западного округа. Исследователь Д. Егоров в своей книге „Разгром Западного фронта“ приводит свидетельство генерал-лейтенанта Стрельбицкого, который в 1941 году был командиром 8-й противотанковой бригады. Немецкие летчики в небе над Лидой вели себя странно. Они бомбили, как на учебе, совершенно не опасаясь зенитного огня – а зенитки молчали. Полковнику Стрельбицкому командир дивизиона ответил, что накануне ему пришел приказ: „На провокацию не поддаваться, огонь по самолетам не открывать“. Зенитчики начали стрелять, лишь когда к ним явился полковник с пистолетом в руке. Тут же были подбиты четыре машины, и вот теперь самое интересное. Три пленных немецких летчика заявили: они знали о запрете для ПВО открывать огонь.

А уж что у наших летчиков творилось...

Надо сказать, творцы советского исторического мифа смутно чувствовали, что с летчиками что-то не связывается. Если пехота, не приведенная в боевую готовность, просто не успевала занять позиции, то летчики-то, даже получив директиву в 2 часа ночи, успевали. Им-то надо было только взлететь – и они уже покинули стационарные аэродромы. Их там нет, и бомбить нечего.

Любопытная попытка объяснить это несоответствие были сделана в фильме Озерова „Битва за Москву“. Там самолеты не смогли дать отпор врагу потому, что... НКВД затеял бетонирование взлетных полос! Действительно, такие работы на части аэродромов проводились – но как они касались авиации того времени? Большая часть советских самолетов взлетала по-простому, с земли. На полевых аэродромах вообще взлетных полос не было – маскировка. Это не аэродром, не аэродром, это луг, тут травку косят колхозники...

⁴¹ URL: <http://inosmi.ru/world/20130701/210545153.html>

Так почему пункт директивы № 1 касательно переброски самолетов на полевые аэродромы (раньше этого делать было нельзя – немецкие разведчики бы выследили, нанесли на карту и ударили) был выполнен только в Одесском военном округе? Там авиационный начальник пытался было рыпнуться, что ночной перелет опасен, не подождать ли нам до утра – но на него цыкнули, он перевел своих соколов и... остался в живых. Остальным командующим ВВС повезло меньше, и еще меньше повезло их авиачастям: немцы в первые же часы войны подвергли массированным бомбовым ударом все доступные им постоянные аэродромы. Летунов не только не перевели оттуда – их даже не предупредили о возможном начале войны.

Маршал авиации Голованов в своих мемуарах вспоминает прелюбопытнейшие вещи. Его полк стоял в глубоком тылу, под Смоленском. Обстановка в округе была настолько мирной, что Голованов, получив сообщение о начавшейся войне, ему... не поверил. Директивы в последнюю предвоенную ночь их полку не присылали, она касалась приграничных частей. Накануне, в три часа утра 21 июня, полк провел учебную тревогу. На следующий день был объявлен выходной, субботним вечером в клубе устроили танцы. Голованов ушел домой, взял книгу и читал до рассвета. Собрался уже было лечь спать, но тут зазвонил телефон.

„...Я поднял трубку и услышал из Минска взволнованный голос дежурного по округу:

– Боевая тревога, немцы бомбят Лиду!

Такие звонки в связи с учебными тревогами были в то время не редкостью.

– Товарищ дежурный, – ответил я, – дайте хоть один день отдохнуть личному составу. Только вчера я поднимал полк по своему плану. Нельзя ли отложить?!

– Немцы бомбят Лиду, времени у меня больше нет, – ответил дежурный и выключился.

Я вызвал дежурного по полку, передал условный пароль тревоги; не торопясь, натянул сапоги и вышел из дому... На улице я увидел, как бежали на аэродром летчики, штурманы, стрелки-радисты, стрелки, инженеры, техники, на ходу надевая поясные ремни и застегивая пуговицы гимнастеров.

– Взрыватели выдавать? – спросил меня подбежавший инженер полка по вооружению.

Вопрос застал меня врасплох, взрыватели находились в запаянных ящиках, а тревогу проводил не я.

– Доставьте ящики с взрывателями к стоянкам самолетов поэскадрильно, без моих указаний не вскрывать!

Все были в сборе. Летный состав ждал заданий.

Я дал распоряжение начальнику штаба доложить в Минск о готовности и просить дальнейших указаний.

Пять минут спустя пришел начальник штаба и сказал, что связь с Минском не работает. Что ж, на учениях и так бывает. Проверяют, что будет делать командир при отсутствии связи... Решил позвонить командиру корпуса полковнику Скрипко и спросить, как у него идут дела...“

Тут надо пояснить: полк Голованова был центрального подчинения, а корпус полковника Скрипко – авиасоединение ЗапОВО. По логике вещей, ему должны были сообщить больше, чем „москвичу“ Голованову. Тем не менее...

По голосу Скрипко я понял, что разбудил его, и ни о каких тревогах он ничего не знает. И только в этот момент у меня мелькнула мысль, что дежурный из Минска мне говорил правду!

Я сказал Скрипко о разговоре с дежурным по округу, о том, что привел полк в боевую готовность и что связи с Минском у меня нет. Скрипко по корпусным каналам связи обещал

связаться с Минском или Москвой. Шли томительные минуты ожидания... Лишь во второй половине дня мы узнали о войне, и то по радио, из обращения В.М. Молотова к населению»⁴².

Обратим внимание еще раз: полк Голованова – центрального подчинения. Если ему не было известно о том, что вот-вот начнется война, из Минска – то почему не сообщили о том же из Москвы? Да и связь с округом куда делась? Это ведь не пограничная полоса, это тыл...

Полк Голованова был расквартирован далеко от границы, так что его командир мог позволить себе пребывать в раздумье. Приграничным авиачастям так не повезло.

Любопытные вещи рассказывал уже в наше время генерал-лейтенант Долгушин, бывший во время войны летчиком-истребителем. Их полк стоял в ЗапОВО, аэродром находился, считай, на самой границе – в пяти километрах от нее. В пятницу, 20 июня, к ним прилетели Павлов, командующий авиацией округа Копец и их собственный комдив. Летчики доложили о результатах разведки – они заметили, что аэродромы на немецкой стороне буквально забиты бомбардировщиками. А теперь смотрите, что произошло на следующий день. Известный на военно-исторических форумах Василий Бардов на сайте «Авиафорум» выложил записи собственных бесед с Долгушиным⁴³, где тот рассказывает:

«Закончили мы полёты примерно в 18 часов. Часов в 19 нас разоружили – поступила команда „снять с самолетов оружие и боеприпасы и разместить их в каптерках“ – дощатых и фанерных сарайчиках за хвостом самолётов...

И мы спросили: „Почему сняли оружие?! Кто такой идиотский приказ издал“?! Даже к командиру полка Емельяненко обратился и говорит: „Ну почему“?! А командир полка разъяснил командирам эскадрилий: „Приказ командующего“, а командиры эскадрилий нам»⁴⁴.

Василий Бардов считает, что речь тут идет о Павлове, но это вовсе не обязательно. Приказы авиаполкам должен был отдавать командующий ВВС округа. Но продолжим...

«Многое и до этого дня делалось будто „по заказу“: был начат ремонт базового аэродрома в г. Лида, не были подготовлены запасные площадки, было уменьшено число мотористов и оружейников до одного на звено...

Бардов. *А как было до этого?*

Долгушин. *А раньше было: техник (это был офицер, как правило, техник-лейтенант), механик, моторист и оружейник. А тут посчитали, что артиллерист свою пушку драит, пехота свою винтовку драит – а почему летчикам не драить?! И отняли у нас! А потом, сразу же в первые месяцы войны все ввели! Сразу же ввели: почувствовали, что идиотство натворили!*

И летчики таскали пушки. А пушку вставить в крыло... Оно же не широкое! И вот туда пушку вставить... А там центроплан прикрыт дюралю и люк, куда пушку совать – он тоже дюралевый и все на шпильках – все руки обдерёшь!»

Тревогу в полку объявили в 2.30, еще до нападения немцев. Но летчики, вместо того чтобы разбежаться по самолетам, принялись таскать ящики с боеприпасами и вставлять обратно пушки. В результате полк начал подниматься в воздух примерно в 6.30 – 7 часов.

Есть и еще свидетельства подобного рода. Вот, например, интервью летчика Анатолия Короля. Перед войной его полк был перебазирован на аэродром Высоко-Мазовецк в Западной Белоруссии, в 30 километрах от границы.

«На 21 или 22 июня командир полка назначил учения и приказал снять с самолетов вооружение. На учениях должен был присутствовать командующий Белорусским военным

⁴² Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная. М., 2004. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/golovanov_ae/06.html

⁴³ В воспоминаниях летчик рассказывает то же самое, что и на форуме, но менее подробно.

⁴⁴ URL: <http://aviaforum.ru/showthread.php?s=b8de73ee429ffef377c59db23cc4be29&t=7645&page=2>

округом. В субботу, 21-го, он не смог приехать, учений не было. А 22-го рано утром, в начале пятого, прозвучала боевая тревога»⁴⁵.

В 13-м скоростном бомбардировочном авиаполку было несколько по-другому, – но с тем же результатом:

«...На воскресенье 22 июня в 13-м авиаполку объявили выходной. Все обрадовались: три месяца не отдыхали! Особенно напряженными были последние два дня, когда по приказу из авиадивизии полк занимался двухсотчасовыми регламентными работами, то есть, проще говоря, летчики и техники разбирали самолеты на составные части, чистили, регулировали их, смазывали и снова собирали. Трудились от зари до зари.

*Вечером в субботу, оставив за старшего начальника оператора штаба капитана Власова, командование авиаполка, многие летчики и техники уехали к семьям в Россию, а оставшиеся в лагере с наступлением темноты отправились на площадку импровизированного клуба смотреть новый звуковой художественный фильм „Музыкальная история“. Весь авиагарнизон остался на попечении внутренней службы, которую возглавил дежурный по лагерному сбору младший лейтенант Усенко»*⁴⁶.

В 10-й спецавиадивизии 21 июня во второй половине дня получили приказ округа об отмене боевой готовности и разрешении отпусков. Правда, там командование, чуть-чуть подумав, все же решило перестраховаться и приказ выполнять не стало.

Это все примеры откровенной измены. Было еще и немало деяний на грани раздолбайства и саботажа. Например, незадолго до войны стали завозить на приграничные аэродромы новые самолеты, но не прислали инструкторов. На местах пытались организовать обучение своими силами, «по инструкциям» – однако ничего не вышло. И большинство этих современных, последних моделей самолетов либо были уничтожены, либо достались немцам.

Или, например, предсмертное деяние командующего ВВС ЗапОВО Копеца. В 9.30 утра 22 июня он передал 9-ю, 10-ю и 11-ю смешанные авиадивизии в оперативное подчинение командующим 3-й, 4-й и 10-й армий. В результате летчики провалились в управленческую дыру: штаб округа ими не управлял, командармам же было не до них (а командующему погибающей в Бресте 4-й армии Коробкову вообще ни до чего). Летчики были фактически предоставлены самим себе – без информации, без управления.

А вот как погиб полк, в котором служил Долгушин.

«Смеркается, и нам команда – „перелететь в Лиду“. Наш полк первым взлетает. А в Лиде от аэродрома лишь половина осталась»⁴⁷... Прилетели, сели. Горючего нет, боеприпасов нет... Летчики по 3–4 вылета сделали, не жравши, температура высокая, все грязные, потные... Горючее в цистерне, под землей. Чем доставать? Даже ведер нет – а у нас баки почти пустые. Техсостав нас еще догоняет. В общем, перелетели. Поужинали и легли спать. Устроились в гостинице, в подвале. Это трехэтажное здание было. Только заснули, – тревога... Поднялись и к самолетам, – а баки пустые. Что делать? Никто ничего не знает. Чем заправлять машины? Нечем... Только мы в подвал зашли: одна за другой пошли шестёрки, восьмерки Ме-110 – и оба полка разбомбили совершенно. А мы ничего сделать не можем! Исправных самолетов было очень много, но без горючего, без оружия... Никто не стал этим интересоваться... Просто поступила команда – уезжать»⁴⁸.

Как просто – горючее есть, а заправлять нечем. Помните, штаб ПриОВО особо беспокоился о воронках и ведрах? В данном случае отсутствие ведер послужило причиной гибели

⁴⁵ Шилин Д. Гвардии Король // URL: <http://h.ua/story/47470/#ixzz2PhuYxL2T>

⁴⁶ Цупко П. Пикировщики. М., 1987. // URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/tsupko/01.html>

⁴⁷ Накануне войны началось бетонирование взлетных полос.

⁴⁸ Долгушин С. Воспоминания // URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/dolgushin-sergey-fedorovich.html>

двух авиаполков. А всего, согласно «Википедии», 22 июня было потеряно 738 самолетов, в том числе 528 самолетов уничтожены на аэродромах или брошены при отступлении.

Такое проходило не в одном ЗапОВО. В годовом отчете о боевой деятельности ВВС Северо-Западного фронта за период с 22.06.41 по 1.07.42 черным по белому сказано:

«Не считаясь с тем, что 19.6.41 г. в связи с создавшейся неблагоприятной обстановкой частям был отдан приказ о переходе в боевую готовность и рассредоточении материальной части с базовых аэродромов на оперативные, о выходе штабов ПрибВО на КП в район Паневежис, командованию и авиационным частям конкретных указаний не давалось, а наоборот, в ночь с 20 на 21 и с 21 на 22.6.41 г. авиационным частям было приказано производить ночные тренировочные полёты. Вследствие чего большинство бомбардировочных полков подверглись бомбардировочным налётам противника в момент послеполётного осмотра материальной части и дозаправки её горючим. Лётный состав был только что распушен на отдых после ночной работы...»⁴⁹

Как видим, похожие вещи происходили в разных округах, в том числе и там, где к командующему особых претензий не возникало (командующий Северо-Западного фронта Кузнецов репрессирован не был). Но если не возникало претензий к командующему, то к кому тогда они возникали? Ведь должны были возникнуть, непременно должны!

А теперь давайте вспомним известный «список 25-ти». Это двадцать пять человек, которые были расстреляны 28 октября 1941 года в Куйбышеве. Считается, что они были казнены без суда, на основании предписания Берии, но на самом деле в тексте одного предписания черным по белому написано, что сотруднику особых поручений спецгруппы НКВД (проще говоря, расстрельщику) «предлагается выехать в г. Куйбышев и привести в исполнение приговор – высшую меру наказания (расстрелять) в отношении следующих заключенных...»⁵⁰ А значит, приговор был. Да почему бы ему и не быть – в первые месяцы войны совершенно официально, по суду, постреляли достаточно народу с немалыми звездами, этим-то с чего особое отношение?

И вот что интересно: из 25 членов данного списка не меньше трети так или иначе имеет отношение к ВВС.

Генерал-полковник Штерн – начальник Главного управления ПВО НКО. Летчики вспоминают о том, что средств ПВО на аэродромах было очень мало или они вообще отсутствовали.

Генерал-полковник Локтионов – с ноября 1937-го по ноябрь 1939-го – начальник ВВС РККА, затем, до июля 1940 года – заместитель наркома по авиации.

Генерал-лейтенант Смушкевич – сменил Локтионова на посту начальника ВВС РККА, в августе 1940-го стал генерал-инспектором ВВС, а в декабре – помощником начальника Генштаба РККА по авиации.

Генерал-лейтенант Рычагов – преемник Смушкевича на посту начальника ВВС РККА, а с февраля по апрель еще и заместитель наркома по авиации.

Дивинженер Сакриер – заместитель начальника вооружения и снабжения Главного управления ВВС РККА.

Генерал-майор Володин – начальник штаба ВВС РККА.

Генерал-лейтенант Проскуров – у этого вообще карьера извилистая. Лихой ас испанской войны, по возвращении он с какого-то перепугу был назначен начальником Разведывательного управления РККА. Как и следовало ожидать, не справился, после чего в сентябре

⁴⁹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. М., 1953 // URL: <http://militera.lib.ru/docs/da/sbd/index.html>

⁵⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Начало. Книга 2. – М., 2000. С. 215.

1940 года был назначен командующим ВВС Дальневосточного фронта, а в октябре – помощником начальника ГУ ВВС РККА по дальнебомбардировочной авиации.

Генерал-лейтенант Арженухин – в 1938–1940 гг. был начальником штаба ВВС РККА, затем стал начальником Военной академии командного и штурманского состава ВВС.

Майор Нестеренко – заместитель командира полка особого назначения и жена Рычагова. Женщин в Советском Союзе расстреливали редко, и высшая мера, примененная к женщине, говорит о том, что дело было очень серьезным.

К этим девяти можно прибавить генерал-лейтенанта Птухина, командующего ВВС КОВО, генерал-майора Ионова, командующего ВВС ПриОВО, генерал-майора Таюрского, заместителя командующего ВВС ЗапОВО и, несомненно, командующего ВВС этого округа, генерал-майора Копеца, если бы он не застрелился. Были и еще арестованные и расстрелянные генералы авиации – погром в верхушке ВВС устроили жесточайший. Все эти люди обвинялись в антисоветском заговоре и, естественно, давно реабилитированы. Не было у нас ни заговора, ни саботажа. А пушки с самолетов снимались не иначе как по прямому указанию Сталина – усатому злодею хотелось, чтобы людей погибло больше, еще больше...

* * *

И снова предвижу реакцию читателя: «Так вы, мадам, полагаете, что все произошло из-за предательства генералов?»

Ну, не все – но кое-что произошло. Например, Минск взяли на пятый день войны именно по этой причине. Потому, что командующий ЗапОВО Павлов подставил свои части под разгром и открыл фронт немцам, как и было сказано на суде. Погром наших ВВС, похоже, произошел во многом по той же причине.

Но в целом такое объяснение событий – как раз парное к сказочке про глупенького и доверчивого Сталина, который не позволял привести войска в боевую готовность. Сталин был умный и недоверчивый, все сделал правильно, но предатели нас всех подставили.

Однако снова возникают проблемы с реальностью.

Сталин не мог в своих расчетах учитывать предательство – просто потому, что известный предатель мгновенно становится бывшим. Тем не менее он не предполагал, что немцев удастся отбросить от наших границ. Молотов спустя сорок с лишним лет вспоминал, как они перед войной со Сталиным размышляли, докуда будут отступать наши войска – до Смоленска или же до самой Москвы. И эвакуационные планы (кстати, то, что эвакуация проводилась экспромтом – тоже байка) были составлены до Москвы включительно. Когда собираются воевать малой кровью на чужой территории, эвакуацию половины страны заранее не готовят. Да и Гитлер был слишком уж уверен в победе. А ведь он был трезвым и осторожным политиком и до тех пор не зарывался.

В чем же дело? В чем заключался просчет советского руководства, из-за которого и произошла трагедия 1941 года? Ответим на это по-одесски, то есть вопросом на вопрос: а был ли он вообще, этот просчет? Может быть, мы чего-то не знаем?

О да! Причем очень важной вещи. А именно: что представляла собой Красная армия. Правда, не одни большевики тому виной...

Глава 8. Бедный, бедный товарищ Ворошилов!

Красная армия возникла на базе императорской – иного пути у ее создателей просто не было. К чести советских руководителей, необходимость регулярной армии они поняли рано – уже к весне 1918 года. Равно как и то, что сами они, без привлечения царских офицеров, ни на что в этой области не способны. Царские офицеры были, конечно, совершенно старорежимными «благородиями» и «превосходительствами», да еще и бегали со стороны на сторону, как зайцы, но как функционирует военная машина, они знали. Предполагалось, что из старой армии возьмут все хорошее, отринув все плохое... да ничего на самом деле не предполагалось! Война набирала обороты, и красную, и белую армии лепили на ходу, из того, что было, и уж что выросло, то выросло...

Но ведь ничего, кроме того, что было посеяно, вырасти не могло. А посевной материал был родом из Российской империи. И вот что примечательно: когда говорят о славе русской армии – кого вспоминают? Суворова, Кутузова, адмирала Ушакова, даже Александра Невского. А как же последние полвека перед революцией – где они, великие полководцы и славные победы? Начало века и вообще выдалось мрачным: сначала проигранная русско-японская война, потом крайне неудачная для нашей армии Первая мировая. А Суворов с Кутузовым – они были очень давно...

Почему все так?

Костяк любой армии, определяющий ее дух и порядки – офицерство. Основу офицерского корпуса немецкой армии представляли собой потомственные военные во многих поколениях, у которых служба вращалась в гены. В российской армии, увы, было совсем не так.

Доставшиеся РККА по наследству царские офицеры делились на две категории: кадровые (то есть довоенной выучки), и офицеры военного времени. Вторые – произведенные в ходе войны унтера, вольноопределяющиеся и прочая тому подобная публика, наскоро выученная в краткосрочных (3–4 месяца) школах прапорщиков. На уровне взвода-роты дело свое они знали хорошо, дальше начинались сложности, связанные с отсутствием военного образования. А серьезно учить на войне было некогда, да и незачем.

Но и кадровые офицеры, если копнуть поглубже, оказываются далеко не первоклассными. Увы, великолепные патриотически и монархически настроенные «господа офицеры», высокопрофессиональные водители рот и батальонов, большей частью являлись плодом советской пропаганды. Если они и имели отношение к реальности, то к гвардейской. Слой их был тонок, как пенка на молоке, а под ними колыхалось армейское море. А может, правильнее сказать, болото?

Возьмем монографию Расула Мухлисова «Командиры РККА»⁵¹, в которой дается краткий очерк положения дел в старой армии. Чтобы не забираться слишком глубоко (в столь маленькой работе этого делать не стоит), давайте ею и ограничимся. Шок и так будет неслабый. Уже от самого начала: «Отсутствие престижа и традиций военной службы в царской России...». Это как понимать?

Да уж как угодно... но давайте-ка попробуем навскидку припомнить хоть одно свидетельство того, что в Российской империи военная служба имела престиж и традиции (кроме мордобоя). Получается? Лично у меня – нет. Разве что тот факт, что гвардейцы пользовались успехом на балах – но какое отношение сие имеет к службе? Выходит, прав Мухлисов?

«Отсутствие престижа и традиций военной службы в царской России... имели своим следствием то, что офицерский корпус комплектовался отнюдь не из лучших представителей: „Откуда же получает русская армия своих офицеров? Большая часть их выходит

⁵¹ URL: http://samlib.ru/m/muhlisow_rasul_nurlanowich/komandiryrkka.shtml

из юнкерских училищ, куда стекаются обыкновенно неудачники всех профессий. Неокончивший реалист, выгнанный классик, полуграмотный семинарист, недотянувший до конца ученик земледельческого, технического или коммерческого училища – вот обычный контингент, которым пополняются юнкерские училища. Все эти люди в огромном большинстве случаев идут на военную службу, не чувствуя к ней ни малейшего призвания, только потому, что им некуда деться...

Другую, значительно меньшую часть своих офицеров русская армия получает из воспитанников кадетских корпусов и военных училищ. Эти офицеры имеют законченное среднее (7 лет корпуса)⁵² и достаточное специальное (2–3 года училища) образование “⁵³».

Запредельно низкий уровень народного образования в царской России порождал чудовищный дефицит кадров во всех областях, кроме сельскохозяйственных работ. По данным переписи 1897 года грамотных (т. е. умевших читать, не более того) в стране насчитывалось около 25 % населения. Из них лишь ничтожная часть (в 1915 году – не более 18 %, до того – еще меньше) обучалась в средних школах (про высшее образование и речи нет). Начавшийся в России хоть и жалкий, но все же промышленный подъем вбирал всех хоть сколько-нибудь способных людей, оставив низкооплачиваемым профессиям, таким как учителя и военные, лишь ошметки.

⁵² Плюс к тому ранее полученное начальное образование.

⁵³ Мартынов Е. Назревшие реформы // В сб. "Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания". – М... 2000. С. 312.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.